

Валентина Иванова
(Спирина)

Каракули гениального
графомана

Лучшее

Валентина Иванова (Спирина)

**Каракули гениального
графомана. Лучшее**

«Издательские решения»

Иванова (Спирина) В.

Каракули гениального графомана. Лучшее / В. Иванова
(Спирина) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507078-4

Можно открыть любую страницу, коснуться взглядом любого стихотворения, и оно зазвонит в вас колокольчиками чувственности, заиграет в вас маслом, акварелью, гуашью, акрилом, медовыми оттенками; заштормит в вас двенадцатибалльностью смысла, разрежет скалы безразличия морскими волнами искренности. Откройте, коснитесь и плывите в мир фантазии, переплетенной с реальностью... Ощущайте, парите, живите!

ISBN 978-5-00-507078-4

© Иванова (Спирина) В.
© Издательские решения

Содержание

Светлана Королева	7
Александр Дагай (Дух Хайяма)	8
Я не пишу стихи. Я ими думаю	9
Волчья Любовь. New	12
Белая Волчица	15
Волчье Солнце	17
Запах Лжи	18
Вечно чужая	19
Скажи... у волка есть душа?	20
Песнь Волчицы	21
Волчья Любовь	22
Общая беда	24
Легенды Варваров	26
Святылище Предков	28
Сердце Титана	31
Пятигранник	34
Битва Героев	37
Гладиатор	39
Воин-смерть	40
Вaalфегор	42
Любовь и Арена	43
Сказка на ночь	44
Святылище Драконов	46
Ночь перед Рождеством	48
Гладиатор. Part 2	50
Замок Ангелов	51
Октябрь	52
Старик	53
Океаны	54
Плакало небо	55
Жизнь глазами детей	56
Мама	57
Танго Любовь	59
Танец для тебя	60
Стриптиз... души	61
Касимов	62
Моя победа	63
Песнь соловья	64
Смогла бы?	66
Лики Победы	67
Не люблю	69
Шагает март	70
Ты королева	71
Пепельный путь	72
Девочка-кошка	73
Экспромт, чуть-чуть похожий на рэп	74

Моё высочество	75
Black black heart	76
Ангел-Хранитель	77
Сердце в дар	79
Надоело	80
Любовь и быт	81
Горький жемчуг	82
Стих для костлявой	83
Больница	84
Заперто	85
Больница. Part 2	86
Белая боль	87
В свете заката	88
Утренний экспромт под шум дождя	89
Воспоминания	90
Твоя кукла	91
Снова	92
Дай Бог	93
Ветеран	94
Привет с небес	96
Звездный холод	98
Распахнула душу дура	100
Моя работа	101
Я буду жить	102
Будем жить	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Каракули гениального графомана Лучшее

Валентина Иванова (Спирина)

Редактор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Иванова (Спирина), 2019

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7078-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Королева
Поэтесса, писатель, певица, преподаватель
музыки, главный редактор интернет-
журнала «Луч Светы». Россия – Брянск

Хочу сразу начать с главного – со стихов невероятно талантливой Валентины Ивановой. А, точнее, с их сути. Каждое стихотворение – это отдельная, яркая, переливчато-неординарная история, до краёв наполненная жизнью, чувствами-хлыстами, эмоциями-жилами, характером-сиюминутным настроением, «тишиной» на разрыв, громopodobным «молчанием», взрывами-фейерверками сердца... Это не штампованные рифмы, жаждущие признания, сложенные для холодного разумного блеска. Это клочья. Вырванные с болью или отчаянием, радостью или любовью, печалью или счастьем. Рифмосплетенные клочья души.

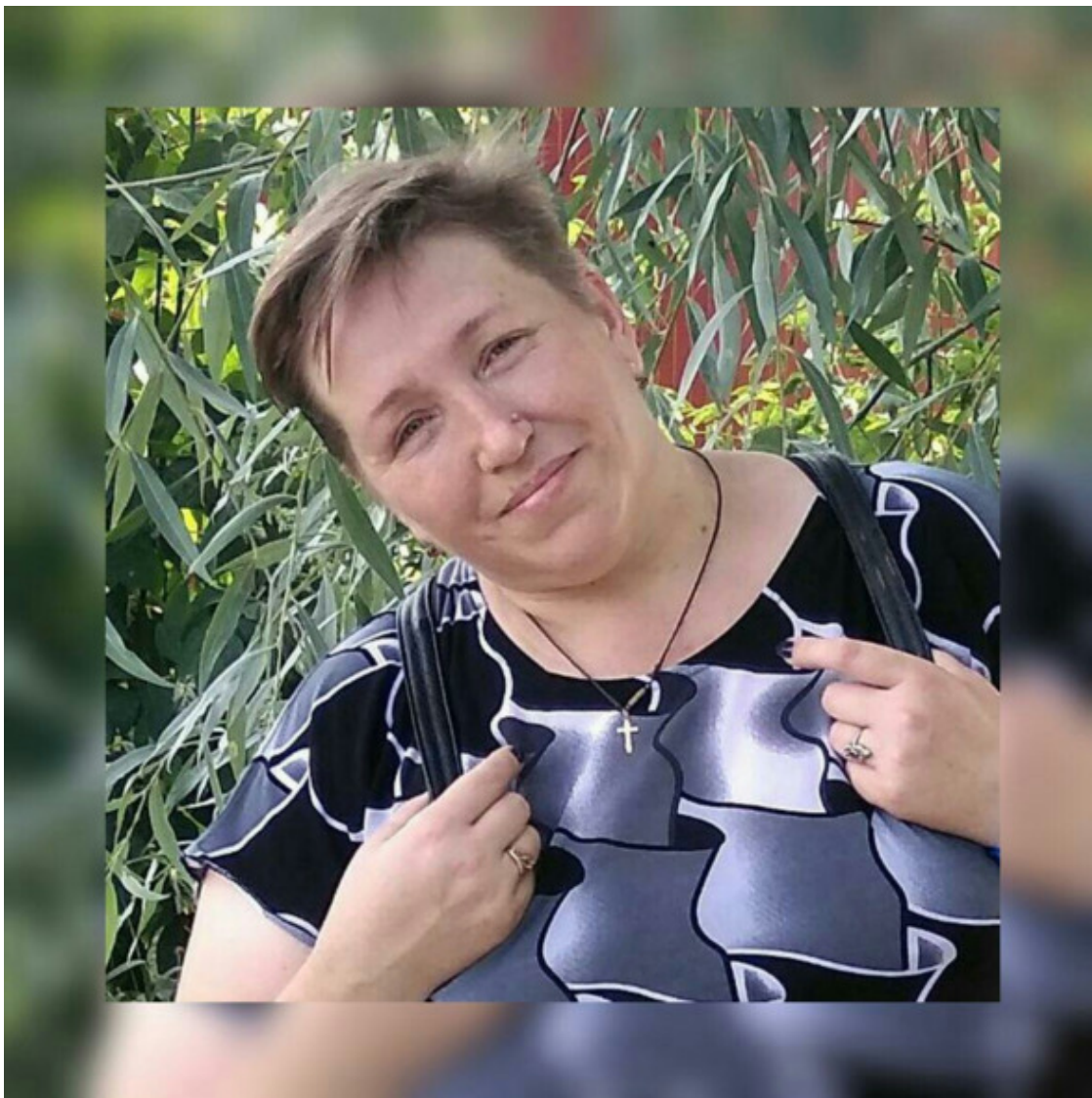
Можно открыть любую страницу, коснутся взглядом любого стихотворения, и оно зазвонит в вас колокольчиками-чувственности, заиграет в вас маслом, акварелью, гуашью, акрилом, медовыми оттенками; заштормит в вас двенадцатибальностью смысла, разрежет скалы безразличия морскими волнами искренности. Откройте, коснитесь и плывите в мир фантазии, переплетенной с реальностью... Ощущайте, парите, живите!

Александр Дагай (Дух Хайяма)
Поэт, писатель, ученый и невероятной души человек. Израиль – Кейсария

В творчестве Валентины Ивановой просматривается ограничение лиризма миром сокровенных переживаний души поэта. Стихотворения, вошедшие в трилогию автор лишила всякого словесного украшения. Автор предала им афористической краткости, выразительности и ясности. Это говорит об Ивановой, как о талантливой поэтессе с ярко выраженной индивидуальностью.

Свои стихи Иванова пишет от самого сердца, не прикрываясь наигранными эмоциями. Слово оголенный нерв предстает она в своих произведениях, понятных и близких читателю, отличается несвойственной силе ее эмоциональности и таланта духовная обособленность. Внутренние порывы и переживания женской сущности отделены от остального мира: «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха». Ее стихи несут внутреннюю энергию, которая позволяет лишь предположить настоящую мощь и глубину страсти.

Я не пишу стихи. Я ими думаю

Спирина Валентина Петровна, урождённая Иванова, отсюда и фамилия, под которой пишу. Родилась 17 мая 1972 года в маленьком провинциальном, но очень красивом старинном городе Касимов. Четвертая дочка в обычной рабочей советской семье.

В 1978 году умерла мама.

*Мне было 6, а ей всего лишь 40,
А за окном всю смялось лето,
Но всё за нас давно решили где-то...*

Не было ни страшно, ни больно. Было непонятно: «Почему вдруг тебя не стало?» Страх и боль пришли позже и не отпускают по сей день, и по прошествии многих лет, я с мамой, как с живой, разговариваю...

*Мама, мамочка, помнишь – платье из ситца?
Ты его на мое день рождения сшила...*

А я помню. Оно до сих пор мне снится...

Рядом с домом находилась Станция Юных Натуралистов, где и пролетели семь лет моей жизни. Уход за животными и растениями, позже селекционные работы с ягодами и, как итог – медаль участника ВДНХ СССР.

Потом была лёгкая атлетика. Но я не полюбила её, а она меня и я перешла в секцию гребли на байдарках. Чемпионка и призерка России и ЦС «Динамо»

А потом грянули 90-ые... Пришлось поставить весло в угол и пойти работать. В то время в нашем городе выбор работы был ещё большой, но я пошла на хлебозавод. Он был недалеко от дома и мне всегда нравилось, когда со стороны завода тянулся аромат свежего хлеба.

*Вы знаете, какое это чувство,
Когда над полусонною землёй,
Плывет и разливается так вкусно,
Дыханье хлеба, созданный тобой...*

Там и пронеслись ещё 24 года моей жизни. Там же я вышла замуж, родила троих детей – двух дочек и сына.

В 2007 году попала в больницу и, казалось бы простая операция, обернулась четырьмя годами больницы и чередой последующих операций. Там, в больнице, я и начала писать стихи, дабы хоть как-то оттолкнуться от невеселой реальности.

*Мне бы пару минут одиночества,
Чтобы громко, по бабьи, завывать.
Я живая! И мне ещё хочется
Полноценною жизнью пожить...*

Но всё проходит. Больницы, слава Богу, закончились. Я вернулась к теперь уже «почти» нормальной жизни. Дети выросли. Работу пришлось сменить на более легкую. А стихи остались.

*Как Вы думаете, кто такой, что такое – поэт?
Четыре строчки, вылизанные в угоду рифме?
Да нифига! Поэт это тот, кто видит свет, там, где его нет.
Это менестрель, шагнувший на грязный асфальт из старинных мифов.*

*Как Вы думаете, о чем должен писать поэт?
О природе, о быте или о любви несчастной стонать и плакаться?
Да щас вот! Это на любой вопрос стихами выдать полный ответ.
В грязь готовый нырнуть с головой, не боясь испачкаться.*

*Встаньте те, кто считает, что он поэт!
Ох, сколько вас встало, можете обратно садиться.
Можно тысячу строк написать, а стихов как не было, так и нет,
Рифмовать научились многие, а поэтов среди них – единицы.*

*Поэт – это вам нифига не денег мешок,
Это луна в стакане на завтрак и на обед в кастрюле кипящее
солнце,
Это не стишок, не нервный смешок, а дрожь до самых кишок,
Это сердце, вырванное из груди, которое на ладони бьется.*

*Поэт – это неба серо-лиловая акварель,
С облаками-клоками старой рабочей фуфайки, замызганной
дочерна,
Это детская, молоком пахнувшая, постель,
И сказки, придуманные специально для сына или дочери.*

*Поэт – цветов полевых свежий букет,
Собранный утром, специально для матери,
Это соловей, встречающий вместе с тобой рассвет,
Поющий для всех. ДЛЯ ВСЕХ. А не избирательно.*

*Успокойтесь! Девяносто девять процентов из нас,
Никогда не встанут с Пушкиным и Пастернаком на одной полке,
И никто не услышит ваш, вопиющий в пустыне глас,
Хоть голос сорви, охрипни – никакого не будет толку.*

*Да, и я по большому счету, увы, не поэт.
И не стать мне никогда Цветаевой или Ахматовой новой.
Да пофиг. Я к этому не стремлюсь. Поверьте – нет.
У меня своя фамилия есть. Я Иванова. Валентина Иванова.*

Волчья Любовь. New

В глухом лесу, в забытом богом крае,
На покрывале из живых цветов,
От смертной и кровавой, страшной раны,
Уходит к предкам гордый сильный волк.
Ещё в сознании, еще немного дышит,
Еще по венам тихо кровь бежит,
Еще пока и видит он и слышит,
И память долгой жизни ворошит.
Осенней ночью под дождем из листьев,
Он в этот мир пришел под шум грозы.
Художник-осень рисовала кистью,
Дорогу в жизнь волчонка егозы.
Вскормленный молоком волчицы мамы,
Он силу обретал и день за днём,
Усталости не чуя и упрямо,
Горел познания неистовым огнем.
Зимой уже он сам искал добычу,
Заматерел, окреп, стал опытней, умней,
И ради интересной сильной дичи,
Готов был ждать в засаде пару дней.
Однажды у лесного водоема,
Когда весна будила к жизни лес,
Волчицы образ раньше незнакомый,
Перед глазами вспыхнул и исчез.
Покой потерял, сердце волчье бьется,
И рвется из груди наружу стон,
А его мама весело смеется:
– Попал, сыночек! Вот и ты влюблен.
Как твой отец, вожак огромной стаи,
В зубах цветы охапками носил.
Мы парой с ним весной однажды стали,
В итоге с нами ты теперь – наш сын.
Искал повсюду волк свою волчицу,
Весь лес вдоль – поперек исколесил.
И помощи у ветра, зверя, птицы,
Надрывно и отчаянно просил.
Но лес молчал, храня свои секреты.
А может просто время не пришло...
Но вот однажды в середине лета,
Волков судьбой в одном бою свело.
Облава. Егеря. Капканы. Ружья.
Как пятна крови, яркие флажки.
Волк понял – обложили, он окружен.
Пульсирует одно – беги... Бегиии!
И напролом, сквозь лес, сдирая лапы,

Так больно хлещут ветки по глазам,
Почувствовал дыханье чье-то рядом,
С ним бок о бок... Она! Святые небеса!
Теперь ему не только выжить нужно,
Спасти её, от боли защитить.
От злых людей, и от бездушных ружей.
Готов на всё, чтоб рядом с нею быть.
Из шума выделил сухой щелчок затвора,
Рванул в кусты, охотника сметя,
Охотничья озлобленная свора,
Оскалила клыки – не пощадят.
Два волка против воли человека,
В борьбе за жизнь и нежную любовь.
И их благословило волчье небо,
Чтоб вместе встретить волчье солнце вновь.
Осталась позади собачья свара,
На лапах и на мордах кровь врагов.
В закатном зареве, как в отблеске пожара,
Исчезли силуэты двух волков.
С тех пор они уже не расставались.
Одним дыханьем жили на двоих.
По волчьи жили, плакали, смеялись.
Вдали от глаз озлобленных людских.
На лес спустилось снежное причастье,
Зима тропинки снегом замела.
В размеренную жизнь ворвалось счастье —
Волчат ему волчица родила.
И в волчьем логове, на дне семейной ямы,
Пять серых копошащихся комков,
Под теплым брюхом и под взглядом мамы.
Причмокивая, пили молоко.
Отец вожак им добывал добычу,
Капканы и ловушки обходя,
Чтоб самому не стать однажды дичью,
Матерый волк с повадками дождя.
Летело время, наступило лето.
На первую охоту вел волчат,
Среди деревьев, зелению одетых,
Отец детей, как выжить, обучал.
Вдруг вздрогнул сонный лес от залпа ружей,
Сезон охоты... Черт бы их побрал!
– Возьми детей! Себя не обнаруживай!
Шепнул волчице волк и в миг пропал.
Бежал сквозь лес, ни от кого не прячься.
И напролом, через собачий строй.
Лилась рекою злая кровь собачья,
И рвался в небо грозный волчий вой.
Всех обманул, увел к другому лесу,
От страшных ран кружилась голова,

– Я вас люблю! – взлетело к поднебесью.
Последние, прощальные слова.
В глухом лесу, в забытом богом крае,
На покрывале из живых цветов,
От смертной и кровавой, страшной раны,
Ушел в мир предков волк. Матерый волк.
Накроет ночь весь лес прощальным саваном,
И будет небо долго слезы лить.
А людям, если честно, не мешало бы,
Учиться у зверей любить и жить.

Белая Волчица

Ночь. Поляна. Тусклый свет луны.
Девушка в мольбе сложила руки,
Но слова молитвы не слышны,
Лишь глаза кричат о дикой муке.
На поляну вышел Белый Волк,
Весь окутан снежной пеленою.
Лес вокруг него застыл, примолк,
Околдованный тоскливым волчьим воем.
Голову он к девушке склонил,
Полоснул по ней холодным взглядом,
Человечьим голосом спросил:
– Что тебе в твоей молитве надо?
Почему ты здесь совсем одна?
Мир зверей людей не принимает.
Волчья и холодная луна
Речь простых людей не различает.
Девушка, от холода дрожа,
Еле слышно волку отвечала:
– В этот лес ушла моя душа,
В день, когда я волка повстречала.
И, наверное, под светом волчьих звезд,
Я навеки мир людской забыла.
Моё сердце этот волк унес,
В день, когда я волка полюбила.
Чуть подумав Белый Волк спросил:
– И чего же ты теперь желаешь?
Прошептала из последних сил:
– Быть хочу с ним рядом, в волчьей стае.
Волк ответил:
– Правильно пойми,
В мир людей возврата же не будет,
Ночью станут твоей жизни дни,
Нас боятся, ненавидят люди.
Наша жизнь течет среди флажков,
В дикой, сумасшедшей круговерти.
Волк не создан для людских оков.
Каждый миг на волосок от смерти.
Белый Волк глядел куда-то в даль,
Говорил, тихонько подвывая.
Девушка ответила:
– Не жаль!
Жизнь свою людскую проклинаяю!
Без него мне не дышать, не жить.
Без него мне лучше просто сдохнуть,
Чем ночами на подушке вить,

До утра одной смотреть на звезды.
Молвил Волк:
– Ну что ж... Да будет так!
Жить тебе отныне в волчьей стае.
Только вот, я не смогу никак,
Против воли полюбить заставить.
Если вдруг до следующей луны,
Не сумеет волк в тебя влюбиться,
Тут мои уж чары не сильны —
Станешь белой призрачной волчицей.
Девушка кивнула головой,
По лицу ручьем сбегали слезы.
– Я на всё согласна, демон мой!
Лучше так, чем жить в напрасных грезах.
Белый Волк отчаянно завыл,
Так, что даже небо содрогнулось.
Снежный холод девушку накрыл,
В снежном вихре тело изогнулось.
Лунный свет струился в тишине,
Желтым воском на поляну капал,
Девушка глядела, онемев —
Её руки превращались в лапы.
Тело волчью силу обрело,
Напряглось звенящею пружиной,
Громким воем горло обожгло,
Завершилось колдовство старинное.
Только волк не принял жертвы той,
И любви не удалось добиться.
Мертвой тенью бродит под луной
Призрачная Белая Волчица.

Волчье Солнце

Луна с небес печально и таинственно
Дарила свет куда-то в темноту.
Шептала – милый, нежный мой, единственный,
Не дай разрушить светлую мечту.

Спой песню, волк. Сегодня полнолуние.
Про сердце обожженное тоской,
Спой песню про любовь и про безумие,
Про одиночество свою мне песню спой.

Про нервы, до предела оголенные,
Про то, как я нужна сейчас тебе,
Как две души жестоко разделенные,
Бросают вызов злой своей судьбе.

Прошу, молю, ну погляди на небо,
Мне холодно и я совсем одна.
С рассветом я исчезну, словно не было.
Чужая и ненужная луна.

Не слышит волк, не греет волчье солнце.
Весь сам в себе – так люди говорят.
А лунный свет в рассветной дымке льется,
В последний раз надежды луч даря.

Запах Лжи

Да, совсем не умна, но звериным чутьем,
Интуицией дикого волка,
Каждой частью себя ощущаю вранье,
Ложь впивается в тело иголкой.

Сверлит сердце и тянет по капельке жизнь,
Ложь колдунья, как магия вуду,
Только ложью не сможет меня приручить,
И со лживой руки есть не буду.

Ощетинясь, оскалюсь от боли рычу,
Запах лжи отвратительно мерзок,
Ты сказал наугад, я от боли кричу,
И еще пару слов – в довесок,

И как загнанный зверь, среди красных флажков,
Рвусь, сдирая до крови кожу,
Оказался охотник к любви не готов,
И теперь уж не врать не может.

И не может добить, его руки дрожат,
Я молю небеса в ожидании чуда,
А в ответ тишина и насмешливый взгляд,
Лжи-колдуньи с иголками вуду.

Вечно чужая

Вечно чужая, как загнанный зверь,
Рваный намордник с морды свисает,
Снова не ту выбираю дверь,
Снова кричат, ругаются, лают.

Снова в окне одноглазая ночь,
Рамы-решетки, квадратное небо,
Вот бы мне крылья и вырваться прочь,
Вдоль белых полос моей жизни-зебры.

Сколько способен стерпеть человек
Боли и грязи? Узнать нереально.
Жизнь, как по минному полю бег.
Загнанный зверь – это так банально.

Знают – не буду кусать в ответ.
Смешон и не страшен оскал беззубый.
И бьют всё сильнее, хоть злости нет,
А я ещё крепче сжимаю губы.

Другую не буду уже никогда.
Порою смешной и наивный ребенок.
Живу как могу, не смотря на года,
Женщина-кошка. Вернее – котёнок.

Скажи... у волка есть душа?

Скажи, у волка есть душа?
Скажи, ему знакома жалость?
– Есть... – отвечала не дыша.
Добыча, жить которой миг осталось.

Она смотрела в эти желтые глаза,
В них отражалось всё – от гнева и до боли.
Он мог бы ей о многом рассказать,
О том как тяжело пришлось в неволе.

Как страшно лязгнул тот стальной капкан,
Как содрогнулся лес ночной от рева,
Как кровь ручьем лила из рваных ран,
О том, как он бежал, порвав оковы.

Он мог бы рассказать, что просто так
Ни разу, никого он не обидел.
Он даже знает, что такое доброта,
Он как и все любил и ненавидел.

Был ярок мир, как будто акварель,
И им двоим и леса было мало.
Цветами была выстлана постель,
А небо им служило покрывалом.

Затвор. Щелчок. И кончилась любовь.
И даже небеса от боли взвыли,
Стекала тонкой алой струйкой кровь.
Ответь, скажи, за что её убили?

Мы в этот мир пришли не убивать,
Живые существа. Мы все от Бога.
Но людям почему то наплевать,
Уничтожают, убивают волка.

Жизнь изменила нас, захлопнув дверь.
И сердце волка стало теперь притчей.
И ты прости, но я всего лишь зверь.
А ты... А ты теперь моя добыча.

Песнь Волчицы

И снова о волке поет свою песню волчица,
И снова луна пополам, но одна на двоих.
И вой, словно плач, в небо рвется израненной птицей.
И сердце пронзает печальный, надрывный мой стих.

*Ты ветер свободы, ты волк и душою и сердцем.
Сквозь бред полуночный глядят с поволокой глаза.
Ты веришь, когда ни во что уже больше не верится.
Под маскою зверя стекает скупая слеза.*

И страстную ночь заглушит ледяное молчание.
Ты вновь убегаешь, бежишь только сам от себя.
И вой, разорвет тишину на прощание.
Ты волк-одиночка, что может любить не любя.

*Прости за любовь и за то что забыть не сумела,
За слезы прости, и прости неуместный мой плач.
За взгляд на тебя неуверенный, робкий, несмелый.
За всё, умоляю, прости, мой судья и палач.*

И пусть никогда не вернется и не повторится,
Мгновенье любви, ради этого стоило жить.
И вольному-воля, а небо открыто для птицы.
А я всё-равно буду ждать, буду ждать и любить.

Волчья Любовь

– А что ты знаешь про любовь?
Спросил волчонок у волчицы.
– Любооовь? Она волнует кровь.
И заставляет сердце биться.
– И у тебя всё это было?
Глаза волчонка заблестели.
– А ты любила, мама?
– Дааа... Любила.
Слова, как листья, шелестели.
– То был красивый, сильный волк,
В глазах огонь, а в лапах ярость.
Одним лишь взглядом только мог,
Испепелить врагов, казалось.
Нас гнали злые егеря.
Весь лес флажками был окружен,
Всего два волка – он и я.
Против собак и против ружей.
Мы мчались вместе, бок о бок,
Без слов друг друга понимали,
На что способен этот волк,
Не знали егеря... Не знали.
Кончался лес.
Овраг.
Обрыв.
На миг застыли волки, люди.
Над пропастью раздался рык:
– В неволе никогда мы жить не будем!
Зияла пропасть чернотой,
Свобода бездною манила,
– Ты как? Со мной?
– Да. Я с тобой!
И мне совсем не страшно было.
Рвались собаки.
Мы в прицеле.
Толчок. Прыжок.
И полетели.
Сквозь темноту прорвался солнца свет,
Болело тело, словно рвали жилы,
И тишина, охотников здесь нет.
– Мы живы, Боги!
– Да. Мы живы.
Лежали рядом – я и он,
Зализывая раны друг у друга,
Смогли, ушли, прошло, как страшный сон.
Нет больше страха, больше нет испуга.

С тех пор мы были неразлучны.
Везде мы вместе, как один.
А ночью зимней, ночью выюжной.
На свет явился ты, наш сын.
Идиллию нарушил лай собак.
И голоса охотников уж слышно.
Ну почему судьба жестока так?
Мы в логове лежим, молчим, не дышим.
Металось сердце от отчаянья,
– Останься с сыном! – прошептал.
– Я не умру! Я обещаю. Я уведу их.
И пропал...
Дремал давно уж сын под боком,
Волчица кончила рассказ,
Никто не видел волка мертвым,
А значит, он живет средь нас.

Общая беда

Одна страна напополам разделена,
Мир варварский давно огнем объят,
Идет война и жертв уже немеренно,
Как много пало молодых ребят.
И доводы разумные не действуют,
И кровь рекой не сдерживает злость,
Война и гнев цветут, прелюбодействуют,
Никто не помнит – а с чего все началось.
А рухнул мир как водится от женщины,
Что братьев двух совсем с ума свела,
И долгий мир распался и дал трещину,
А женщина тогда с другим ушла.
И родилось ужасное проклятие,
Что будут люди воевать всегда,
Покуда злость, рожденная при братьях,
Не победит одна на всех беда.
В войне с годами люди позабыли,
Откуда и с чего все началось,
Но вот однажды с нереальной силой,
Плечом к плечу сражаться довелось.
Ту силу называли Злобной Кровью,
Она из гнева и из крови родилась,
И этот монстр двенадцатиголовный,
Всех варваров прихлопнуть поклялась.
Из недр земли однажды на поверхность,
Средь поля битвы вышло само зло,
Из крови павших черпая бессмертность,
Оно подряд крушить всё начало.
Ломались черепа, трескали шлемы,
Доспехи не спасали от огня,
И воин северный тут руку подал первым,
Солдату южному, войну во всю кляня.
Забыв про все, что долго разделяло,
Что так мешало просто мирно жить,
Стеною войско общее стояло,
Чтобы всем вместе выжить, победить.
И дрогнул враг, в рядах увидев дружбу,
И стало ясно – волю не сломить,
Отряды севера перемещались с южными,
И вместе их никак не победить.
И в Злобной Крови не осталось силы,
Такое вот единство побороть,
В последний раз метнулось и завыло,
В туман вдруг стала превращаться плоть.
А солнце яркое совсем туман убило,

И поле битвы залило теплом,
Стояли воины, теперь уж побратимы,
Гремит «Ура!» над полем словно гром.
Вот так одна на всех беда сплотила,
Один народ, разделенный войной.
И поняли тогда – в единстве сила.
Неделю продолжался пир горой.

Легенды Варваров

Далеко-далеко, среди гор, среди скал,
Где зеленые сосны касаются неба,
Жил да был наш герой, наш седой ветеран,
Старый воин. Легенда минувшего века.
Сколько было боев, сколько ран и потерь,
Сколько раз хоронил он друзей и знакомых,
Сколько было побед. Ну а что же теперь?
Он один. Без семьи, без друзей, и без дома.
У подножья горы, где драконы живут.
На зеленой траве, на подушке из моха,
Старый воин нашел долгожданный приют.
Глядя в небо подумал: – Не так уж и плохо...
Я прошел всю войну, честь свою сохранив,
Честь солдата, честь брата и друга.
Никого не предав, никого не забыв,
Сквозь рассветы, дожди и холодные вьюги.
Был любим и любил, но, увы, не срослось.
Виноватых тут нет, все по своему правы.
Слишком многое мне пережить довелось,
И со смертью не раз на равных.
Миллионы дорог, километры путей,
В кровь истоптаны старые ноги.
Он обычный герой, сам не свой и ничей.
Друг – топор – самый верный из многих.
Вспоминая всё то, что успел совершить,
И всё то, что хотел и не сделал,
Вдруг подумал: – О как же устал я жить!
И рука уж не та, да и волосы белые.
Вдруг открылась пещера у старой горы,
И тяжелой свинцовой поступью,
Вышел старый дракон, что дремал до поры,
Отмечая свой путь... Искры россыпью.
На траву рядом с воином тяжело присел,
Грустный вздох, вперемешку с пламенем.
– Ох, старик... Ты, смотрю, как и я поседел.
Близко. Близко жизни закатное зарево.
Что ж ты здесь и один? Где твой дом и семья?
Что ж детей не завел? Что ж как ветер-бродяга?
Твои раны и шрамы за всё говорят.
Ты такой же как я, однако.
И ответил старик, взглядом в даль устремясь,
– Нам, дракоша, делить уже нечего.
Солнце светит одно и военная грязь,
Одинаково жизнь нам с тобой покалечила.
Дом, семья – да, могло всё бы быть.

Только силы уж нет для того, чтобы строить.
Ты и я – мы выбрали эту жизнь.
Есть о чем не жалеть и что вспомнить.
Мелкий дождь моросил, поднималась луна,
И вздохнув вдруг дракон промолвил:
– Мдаа... А жизнь то у нас одна.
И слеза навернулась, словно.
– Слышь, старик, я, конечно, не бог и не царь.
И пещера моя на хоромы не тянет,
Но от ветра укроет, да и места не жаль.
А вдвоем, может, чуточку легче нам станет.
В слабом отблеске звезд, под слезами дождя,
Удалялись два силуэта.
Ветеран и дракон – два великих вождя,
Две живые легенды.
Два символа этого света.

Святылище Предков

На старый замок опустилась ночь,
Накрыв округу теплым покрывалом.
А старый ветеран уходит прочь,
Прочь, без оглядки, под покров тумана.
Сегодня в замке был Большой Совет,
Старейшина сказал: – Настало время,
Объединиться, чтоб увидел свет,
На что способно варварское племя.
На Четырех Воителей взглянув,
Он продолжал: – Святылище воздвигнем,
И соберем туда всю силу, мощь и ум,
И смерть любому, кто туда проникнет.
Берсерк и Гал, Атлант и Ветеран,
Переглянулись – по душе затея.
Свершилось! Звездный час для них настал!
– Убьем любого, кто войти посмеет!
Старейшина неспешно продолжал:
– Святылище, увы, не безразмерно,
И я решил: Берсерк, Атлант и Гал
Должны там быть. Бесспорно. Непременно.
– А ты, – на Ветерана он взглянул,
– Ты видел всё и воевал немало,
Ты в вечность своим именем шагнул,
И твоё время отдыха настало.
Взревел от боли старый Ветеран,
И горьких слез обиды не скрывая,
Он прокричал: – Больнее нету ран,
Чем воин, что в забвеньи пребывает!
Мне места не нашлось? Пусть будет так!
Я стар и слаб? И я уже не годен?
Да черта с два! – к двери он сделал шаг:
– А главное, что я теперь свободен!
И, хлопнув дверью, сквозь густую ночь,
Собрав в себе обиду, злость и гордость,
Ушел из замка Ветеран наш прочь,
И мозг сверила мысль – «Вот это подлость.»
Средь варваров уже разнесся слух:
– В Святылище богатая добыча,
Но Берса, Гала и Атланта грозный дух,
Хранят его от варваров язычных.
И каждый воин, кто туда вошел,
Ударом первым был сражен нещадно,
И много тех, кто смерть свою нашел,
В Святылище исчезли безвозвратно.
Собрался вместе варваров совет,

Забыв обиды, споры, разногласия,
И молвил Ветеран: – Нас ждет успех,
Коль будем вместе, сообща, в согласии.
Помогут дерзость, сила и талант,
Всё пригодится, всё пойдет на дело,
И храм Святилища, я верю, будет взят,
Вперед на бой! Отчаянно и смело!
И вот десяток лучших из бойцов,
Застыли у заветного порога.
Молитвы шепотом. Забрала на лицо.
И веруя в себя и в помощь Бога.
– Берсеерк! Как гром раздался из глубин.
И красным светом залилась пещера,
Щиты включили воин как один,
Удар такой, что аж в ушах звенело.
Но страха нет и руки не дрожат,
Спасибо медикам, что постоянно лечат,
Сознание четкое и ясный взгляд,
Хоть град ударов покрывает плечи.
Берсерк слабеет, гаснет его жизнь,
И каждый варвар вторит как молитву:
– Держись, браток! Держись! Держись! Держись!
И мы возьмем победу в этой битве.
Убит Берсерк! Награда – фолиант.
Но рано, очень рано расслабляться.
Готов к атаке новый сет-талант.
И Ветеран кричит: – Готовься, братцы!
– Голиаааф! Под сводами гремит,
Желтый свет слепит глаза до боли,
Сто процентов отраженья щит,
Стон от удивления невольно.
Бой идет, кровавый страшный бой,
Варвары – народ упрямый, стойкий,
Голиаф издал предсмертный вой:
– Я повержен! – прозвучало горько.
– Bravo, парни! – молвил Ветеран,
Можем же. Мы вместе – это сила!
Грянуло в Святилище: – Атлаааант!
И зеленым светом озарило.
Он живуч – в нем жизни тыщи гидр,
Но не страшен черт, как о нем брешут,
Хоть хранит его энергощит,
Варварский топор найдет в нем бреши.
Каждый варвар стоит пятерых,
Мудрость предков придает им силы,
И Атлант повержен и разбит,
Хоть и очень, очень трудно было.
– Мы сумели, парни! Мы смогли!
Пройдено Святилище! Победа!

Берс, Атлант и Гал – все полегли.
Слава Богу! Слава нашим предкам!
Опустился старый Ветеран
На порог Святилища заветного.
Кровь стекала, капала из ран,
И слеза катилась незаметная.
Грозный Дух в Святилище опять
Вновь воскреснет, дайте только время,
Снова будет воинов он ждать,
Такого теперь его уж бремя.
И подумал старый Ветеран:
Может быть, и это будет честно,
Потеснятся Гал, Берсерк, Атлант
И ему в Святилище найдется место.

Сердце Титана

Три Варвары светлым днем
Шли рожать детей в роддом.
– Если девочка родится, —
Молвит первая девица,
– Назову её Титана
В честь папаши-великана.
– Если мальчик народится, —
Молвила её сестрица,
– Назову его Титан, —
Как мужик мой великан.
– Если двойня вдруг родится, —
Третья молвила сестрица, —
– Назову их Тит и Тана, —
В честь папаши-великана.
– Это что же тут творится?
Закричали вдруг сестрицы.
– Двойня, дочка да и сын —
А папаша то один!
Тут девицы разозлились,
Кольями вооружились.
– Подождет пока роддом.
Морду кой-кому набьем!
Страшен гнев сердитых мамок,
Штурмом был захвачен замок,
Где живет детей отец,
Кобелина их сердец.
Великан сидел на троне
В миф трусах и миф короне.
Девки с трех сторон зашли
Колья дружно в ход пошли.
Оскорбленные дивчины
Распетрушив труп мужчины,
Сердце в банку положили,
В главной башне поместили.
И продолжили потом
Путь свой в варварский роддом.
И родили той же ночью
Двойню, сына да и дочку.
Девки стали бизнес-леди,
День и ночь народ к ним едет,
Сердце в банке с формалином
Разместили на витрине,
Золото течет рекою,
Платят люди за здоровье.

*Боже! Что я написала?
Всё не так!
Начну сначала.*

Прошу простить, но грустным будет стих.
Любовью и тоскою переполнен.
Он жил один – чужой среди своих.
Родителей не знал или не помнил.

Желанный сын для матери с отцом,
Наследник рода, мальчик долгожданный,
На свет явился ярким-ярким днем,
И слезы счастья не скрывала мама.
Но стал ребенок таять в тот же день,
И детский образ на глазах менялся,
Уже лица коснулась смерти тень,
Мальчишка в монстра быстро превращался.
Упали на колени мать с отцом,
И вскинув руки, небеса молили:
– Мы его любим! И каким бы ни был он,
Спасите, Боги, сына от могилы!
Но Солнце отвернулось, а потом
Закрылось тучей, чтоб молитв не слышать,
И среди неба грянул страшный гром,
И голос прогремел над крышей:
– Он будет жить, и жить за семерых,
Здоровье станет для него проклятьем,
И не узнает радостей людских,
Ночь станет для него любимым платьем.
Но солнца свет опасен для него,
Сгорит дотла, коль луч его коснется,
И счастья не познает своего,
И вечно жить во тьме ему придется.
С тех пор минуло очень много лет,
Мальчишка вырос без тепла и света.
Родителей давно-давно уж нет.
И страшный день рожденья канул в лету.
Ночами он из дома выходил,
И помогал, здоровья не жалея,
То строил дом одним, другим дрова рубил,
Но в людях страх к нему не стал слабее.
Однажды ночью, через их село,
Красивая карета проезжала,
Сломалось колесо и как назло
Карета наклонилась и упала.
Рванулись кони, понеслись в галоп,
Девичий крик отчаянный и звонкий
Ночную тишину рассек.
Титан за ними бросился вдогонку.

Догнал коней, легко остановил,
Одной рукою поднял он карету,
Другой рукой девчонку подхватил,
И прятал он лицо своё при этом.
– Спасибо тебе, добрый человек, —
Раздался голос, нежный голос девы.
– Я не забуду этого вовек,
И это слово вашей королевы.
Стелился дымкой утренний туман,
Сквозь тучи бился солнца луч бодрящий:
– Меня зовут.. Меня зовут Титан!
И великан исчез под тенью чащи.
И вновь один остался великан.
Минуло лето, собраны посевы,
Но каждый раз сквозь утренний туман
Ему являлся образ королевы.
Однажды ночью вспыхнул горизонт
Огонь пожара был безумно ярк,
То южных варвар вражий гарнизон,
Пошел на штурм на королевский замок.
Титан рванулся сквозь густую ночь,
Бежал сквозь лес, не разбирая дорогу,
Забыв про всё стремился он помочь,
Туда, к своей любимой на подмогу.
Он бил врагов, на части разрывал,
Не чувствуя усталости и боли,
Никто из воинов ни разу не видал
В людском обличии такой звериной воли.
И враг не выстоял и в страхе отступил,
Со всех сторон летело ввысь: – Победа!
Стоял Титан среди трупов и руин,
А солнце замок озаряло светом.
– Спаситель мой! Ты не забыл меня!
К нему уже бежала королева.
Но замерла перед столбом огня —
Одежда на Титане загорелась.
Еще мгновенье и погас огонь,
Застыли люди пред картиной странной —
Средь пепла, окруженное травой,
Алело, билось сердце великана.
Шептала королева: – Не забудем,
Тебя, мой друг. Построим замок заново.
И долго-долго будут помнить люди,
Какое оно, Сердце у Титана.

Пятигранник

Пятигранник каменной арены,
Мертвый холод, каменные стены,
Страх и ярость растекаются по венам,
Но я должен выжить непременно.
Память возвращает меня к дому,
Там моя жена, мой сын и братья.
И к Берсерку – другу боевому,
С кем пришлось плечом к плечу сражаться.
Было нас четыре легиона,
Славно в дальних землях мы сражались,
А потом забвенья темный омут.
Черт, а здесь мы как же оказались?
Память снова выдала картинки,
Утро сонное, попали мы в засаду,
Воины, как тени, невидимки,
Бой тяжелый, только жизнь в награду.
Жизнь. Очнулся в полной тишине.
Друг мой без сознания, но дышит.
Мы в глубоком каменном мешке,
Вой, кричи – никто нас не услышит.
Снова провалился в тяжкий сон.
Мы в плену – сказала мне сознание,
Друг и я – вот весь наш легион.
Так попали в школу выживания.
Нас кормили словно на убой,
Тренировки, тренировки, тренировки.
И мы знали – впереди нелегкий бой.
Победит лишь самый сильный, ловкий.
Нужно выжить десять раз подряд,
Пять бойцов, соперников достойных.
Нервы в предвкушении звенят,
Руки не дрожат, и взгляд спокойный.
Накануне боя друг сказал:
– Брат, мы вместе вынесли немало.
Ты домой вернуться обещал,
Вспомни, как жена твоя рыдала.
А меня давно никто не ждет,
И коль мы в одном бою с тобой сойдемся,
Обещай, что ты забудешь всё,
Победишь, домой к семье вернешься.
Слезы по щекам мужчин текли,
Слезы горечи, отчаянья, печали.
Выжить сможет только лишь один,
Плакали друзья и не скрывали.
И в холодном каменном мешке,

Где обрывки памяти кружились,
Покорившись своей злой судьбе,
Братья в сон тяжелый провалились.
Лязгнули тяжелые решетки,
Пробил час. Сегодня всё решится.
Мой топор в руке, на миг короткий,
Даже сердце перестало биться.
Пятигранник каменной арены,
Мертвый холод, каменные стены,
Страх и ярость растекаются по венам...
– Брат! Ты должен выжить непременно!
Ненавистный голос полководца:
– Бой до смерти! Раненных не будет!
Тот, кто победит, домой вернется.
Но пока вы мясо, а не люди!
Замерли трибуны в ожидании,
Только стук сердец, отсчет обратный.
Жизнь за смерть – награда? Наказание?
Поворот судьбы невероятный?
Пятигранник каменной арены,
Пять бойцов. Тяжелый запах крови.
– Я вернусь, родная! Непременно!
Первый бой. И первый приступ боли.
Бой второй. И третий. И четвертый.
– Я живой, любимая! Ты слышишь?!
Пятый бой, шестой, я знаю твердо,
Прочь сомнения, иначе мне не выжить.
Рев трибун, от крови скользкий пол,
Бой последний – первый шаг к свободе,
Как судьбы жестокий приговор —
Друг мой, брат мой у стены напротив.
И мы встали с ним спина к спине,
Как давно, когда-то в прошлой жизни.
Ну за что? За что всё это мне?
Поворот случайности капризной.
Как в тумане шел последний бой,
Всё смешалось – лица, руки, стены.
Холод по спине прошел волной.
Я один.
Живой.
Среди арены.
Друг и брат у ног моих лежал.
Жизнью он открыл мне дверь к свободе,
Бросился к нему, он не дышал.
Взгляд его спокоен и холоден.
Таковы превратности судьбы,
Сквозь обрывки помутненного сознания,
Слышен рев – то трубы пели гимн,
В честь героя битвы выживания.

– Ты теперь свободен! Уходи!
Жизнь за смерть – моя цена на волю.
Сердце вырывалось из груди,
Каждый вздох пронзая тело болью,
Долог и тяжел был путь домой,
Где ждала любимая, родная.
Но навечно в памяти со мной
Проклятая школа выживания.

Битва Героев

Огромное поле еще хранило следы прошлого сражения. Остатки боевого снаряжения были раскиданы на всей его площади. По обоим краям стояли башни, у стен которых уже собирались войска. А в небе уже кружили стаи птиц в ожидании своего страшного пира. Последние минуты перед великой битвой. Каждое мгновение растянуто в бесконечность... Ветер разносит последние команды лидеров и генералов. Каждое движение как кадры из замедленной съемки. Великая битва. Битва Героев. Обратный отсчет.

Пять
Четыре
Три
Два
Один
Бой!

Вздрогнул небосвод от крика птиц,
И земля под сапогами задрожала,
Клубы пыли, очертанья лиц.
Миг и всё вокруг в борьбе смешалось.
Звон мечей, когтей и топоров,
Стоны раненных и крики командиров,
Каждый умереть в бою готов,
Чтобы стать навек непобедимым.
Мир разделен ровно пополам,
Словно двух стихий противоборство,
Разлетаются доспехи в хлам,
И уже совсем не до притворства.
Смертный бой за право лучшим быть,
Юг и север в противостоянии,
Выжить и потом легендой быть,
Жизнь ценить обрывками сознания.
Варварский свирепых дикий дух,
Гордость с непокорством совмещая,
Каждый воин как один за двух,
Жизнь свою победой исчисляет.
Твердым шагом кованных сапог,
В такт сердцам и громогласным трубам.
Лентой неизведанных дорог,
Выбирая свой маршрут по судьбам.
Имена Героев на стене,
Высечены, чтобы помнить вечно,
Всех, кто победил на той войне,
Кто ушел своей дорогой млечной.
И пока присутствует контраст,
Двух стихий, двух сил непобедимых,
Будем помнить каждый миг и час,
Битву, ту, что всех соединила.

Вновь над полем будут стаи птиц кружить,
Будут к небесам лететь молитвы,
Чтобы выжить, чтобы победить,
Чтобы стать Героем этой Битвы.

Гладиатор

Холодный пот ручьем, в кривой ухмылке губы,
Рука сжимает рукоять меча.
Обводишь взглядом ты притихшие трибуны,
Шагнул в легенду этот бой начав.

Арены скользкий пол, кровь не успев впитаться,
Готовы жертвы новые принять.
Здесь должен лишь один живой остаться,
И ты пришел сюда, чтоб побеждать.

Всё завертелось в схватке сумасшедшей,
Под звон мечей и человечесий вой.
Как яркий свет звезды, на землю низошедший,
Ты танец смерти исполняешь свой.

Отныне твоё имя – Гладиатор.
Игра со смертью – всё, чем ты живешь.
Вопят трибуны – аве Триумфатор!
Своим соперникам ты шанса не даешь.

И никогда, никто не догадается,
Что под тяжелой кованой броней,
Твоя душа, как птица в клетке мается,
Сгорев в любви и не найдя покой.

Однажды оказавшись перед выбором,
Любить иль умереть – отверг любовь.
Смеется смерть – какие ж вы наивные,
И возвращает к жизни вновь и вновь.

Ревут трибуны, наслаждаясь чужой болью,
Рука сжимает рукоять меча.
Любовь у ног твоих в песок впиталась с кровью,
А ты стоишь с ухмылкой палача.

Воин-смерть

Взмах. Удар. И быстрый поворот.
В прорезь шлема взгляд врага напротив.
По глазам соленый пот течет,
Несколько ударов в развороте.

Снова бой, такой же как и все,
Намертво с ареною повенчан.
Утро – босиком да по росе.
Вечер – одиночество и свечи.

А перед глазами лишь она,
Девушка с улыбкою мадонны.
Бесконечно искренне нежна,
Взгляд глубокий, чистый и бездонный.

Их свела судьба однажды летом,
Трудный бой и кровь ручьем из раны.
– Слава Богу! Сердце не задето.
Прошептал девичий голос пряный.

Словно через пелену сознания,
Видел ангела с красивыми глазами,
Теплое и нежное дыханье.
– Он очнулся! И он снова с нами.

И война вдруг обернулась сказкой,
Хрупкой сказкой только для двоих.
Жаркие бои, а в перерывах ласки.
Нежность, страсть. Красивых и живых.

Знали оба – на войне нет правил,
И ценили каждый-каждый миг.
Черный ангел – злой, жестокий парень,
Шел за ними словно тень – впритык.

Ждал момента, чтоб любовь разрушить,
И однажды всё-таки сбылось.
В кровавой и липкой страшной луже,
Счастье хрупкое оборвалось.

Мертвый взгляд, с улыбкою мадонны,
Девушка взидала в небеса.
А из глаз отчаянно бездонных,
Вниз стекала мертвая слеза.

Парень опустился на колени,
И к груди любимую прижал.
И от крика замерла вселенная,
Мир от боли вздрогнул, замолчал.

А потом удар и всё померкло.
Плен. Арена. Меч в руке зажат.
Дикий воин-зверь несется в пекло,
Леденящий душу мертвый взгляд.

Ищет смерть, чтоб там, над облаками,
Вновь соединиться, рядом быть.
С девушкой с бездонными глазами.
Без неё нет смысла жить.

Но, наверно, не настало его время,
Имя Смерть теперь он носит сам.
Шепчет голос сверху: – Милый, верь мне.
Я дождусь. Ты не спеши. Все будем там.

Ваалфегор

Ваалфегооор! Гремит из поднебесья.
И грозный демон, сея смерть и страх,
Под звуки страшной и кровавой песни,
Создал реальный мир на наших снах.

Безжизнен взор и ледяные губы,
Рукой холодной душу заберет,
Победе новой заиграют трубы,
Оскалится в улыбке и пойдет.

За новой жертвой, вырывая сердце,
И раздирая тело на куски.
Он может всё, но никуда не деться,
От мертвой поглощающей тоски.

А ведь как все любил и был любимым,
В угаре пьяном проклинал любовь.
И вот он демон, ветром злым гонимый,
По венам ртуть течет – исчезла кровь.

Ваалфегор! Захлопнулась ловушка.
Огромные глаза и бархат губ,
Пред ним простая смертная девчушка,
Она не слышит погребальных труб.

И маленькой ладонью гладит зверя,
Наивная! Ты хочешь приручить,
Того, кто ни во что уже не верит.
Того, кто просто не умеет жить.

Любовь и Арена

Хрупкая рука сжимает меч,
Капля пота по спине сбегает,
Так хотелось ей его беречь,
Но противников, увы, не выбирают.

А она лелеяла в мечтах,
Нежны объятия с любимым,
Но арена всё разбила в прах,
Двух влюбленных в двух непримиримых.

И лицом к лицу они сошлись,
Пряча взор за узкой щелью шлема.
Новый бой, в котором ставка – жизнь,
Здесь не будет раненных и пленных.

Взмах, удар и быстрый уворот,
Краем глаза – где там мой любимый?
Как в бреду смертельный бой идет,
Близится конец неотвратимо.

Все удары словно в пустоту,
Словно их сама любовь хранила,
Не хотела убивать мечту,
Даже время словно бы застыло.

Танец смерти – танго для двоих,
Выживших в смертельной круговерти.
– Поцелуй меня... – и голос стих.
Поцелуй меня, прошу, на грани смерти.

Скинув шлем, не нужен к черту меч.
И, как никогда, нежны объятья.
Так хотелось ей его беречь,
К черту всё! На ней лишь только платье.

Стрелки красным начали отсчет,
И теперь решает всё здоровье.
По секундам быстро жизнь течет,
Поцелуй. Объятье. И безмолвье.

На песке холодном и сыром,
Посреди губительной арены.
Спит любовь тревожным горьким сном,
Смерти вопреки, она нетленна.

Сказка на ночь

– Мама, мамочка, мне сказку расскажи!
Прошептал мальчишка полусонный,
– Про войну и варварскую жизнь,
И про воинов, суровых и влюбленных.
– Хорошо, сынок, закрой глаза.
Мама, улыбаясь отвечала.
– Что б тебе такое рассказать...
– Мам, легенду. С самого начала.
– Далеко, в деревне среди гор,
Средь седых холмов и черных топий,
Жил старик по имени Монгол,
Мастер топоров, когтей и копий.
На лице печать былых времен,
Борода седая, до колена,
И была отрадой для него,
Дочь его – красавица Селена.
Девушка с красивою косой,
В озорных глазах частички неба,
Голос нежный с утренней росой,
Руки тонкие и с ароматом хлеба.
А в селе соседнем воин жил,
Звался он Невидимый Убийца,
Он Селену всей душой любил,
И хотел на девушке жениться.
К старику – отцу явился он,
Блеск в глазах, огнем душа пылает,
До земли отвесил он поклон,
А старик ему: – Тебя я знаю.
Знаю и зачем сюда пришел,
Знаю всё, что ты сказать мне хочешь,
Путь любви тебя сюда привел,
Что тревожил сердце днем и ночью.
– Да! – воскликнул воин удалой,
Дочь твоя, красавица Селена,
Забрала, похитила покой,
И не выбраться, не вырваться из плена!
Молча слушал эту речь старик,
В бороду седую ухмыляясь,
Вдруг на улице раздался страшный крик,
Дикой болью душу разрывая.
Кинулись мужчины за порог,
Страшную увидели картину —
Злой дракон в пещеру уволок
Дорогую сердцу их девчину.
Бросился Монгол за топором,

Но сказал Невидимый Убийца:
– Я спасу Селену, а дракон,
Будет навсегда закрыт в темнице!
Наскоро доспехи застегнув,
Воин молодой спешит на помощь,
– Стой! – старик окликнул, протянув,
Ему в руки боевой и мощный коготь.
– Если дочь спасешь, то станешь ей
Мужем пред людьми и перед Богом.
А теперь спеши, беги скорей,
Буду ждать вас здесь я, у порога.
Воин уже вскоре подходил,
К той пещере, где дракон таился,
Крикнул воин так, что было сил:
– Выходи на бой, давай сразимся!
Полыхнуло из глубин огнем,
– Ты ничтожный глупый человечек!
Я убью тебя, ну а потом,
Уничтожу род людской навечно!
Но любовь давала парню сил,
Страх нет и места нет сомненьям,
Девушку, которую любил,
Он готов освободить из заточенья.
Коготь тот, что дал ему Монгол,
Словно бы с рукой его сроднился,
И любовной силой окрылен,
Парень не на жизнь, а на смерть бился.
И дракон повержен был. Убит.
И пещера светом озарилась.
Воин всё еще сжимал в руке свой щит,
Перед ним Селена появилась.
Путь домой был счастьем озарен,
Ждал Монгол влюбленных у порога.
Воин мужем был провозглашен,
Пред любимой, пред людьми и Богом.
Матушка закончила рассказ,
Убаюкан сын легендой древней,
Еще вспомнят люди и не раз
О любви Убийцы и Селены.

Святылище Драконов

Легендами насыщена земля,
Историю запомнил каждый камень.
Начнем с начала, с самого нуля,
Когда из искры возгорелось пламя.
Как удивленный варварский народ,
Глядел во все глаза, не веря в чудо,
Как золотом взорвался небосвод,
И столб огня ударил в небо будто.
Но вот растаял золотой туман,
И вопреки всем мыслимым законам,
Шептали люди: – Это не обман!
То замок был – Святылище Драконов.
Блестя под солнцем золотой главой,
И стенами из желтого металла,
И черепица, словно чешуей,
Всё чистым золотом блестело и сверкало.
Народ войны не знал и жил как мог,
Пахал и сеял, дичь ловил и рыбу,
Дома не закрывались на замок.
Кругом тотемы – каменные глыбы.
Неведом людям был ни гнев, ни страх,
Ни зла, ни боли. Минимум пороков.
И не таился алчный блеск в глазах.
Черпали мудрость с жизненных уроков.
Драконы наблюдали свысока,
И восхищаясь этим тихим миром,
Решили у себя на облаках,
Чуть-чуть помочь, чтобы не рвали жилы.
И замок над ущельем возвели,
Чтоб в трудный час, наедине с проблемой,
Когда вдруг оказался на мели,
Придти сюда для честного обмена.
Чтоб всякий хлам, что положил в сундук,
На вещи или золото меняя,
Чтоб нищеты не раздавался стук,
И жить достойно, горести не зная.
И люди понесли нехитрый скарб,
Взамен драконы золото давали,
Но человек... Он изначально слаб..
Жаль, что драконы этого не знали.
Блеск золота отчаянно манил,
Тревожил душу, пробуждая беды.
И вскоре напрочь разумы затмил-
Сосед пошел войною на соседа.
И треснул тихий мир на пополам,

А жажда золота крепчала и крепчала.
И кровожадная и алчная волна,
Веками созданную доброту съедала.
Опомнились драконы: – Как же так?
Ведь мы вам, люди, так помочь хотели!
Но золото для вас – недобрый знак.
Воспользоваться вы им не сумели.
И содрогнулся варварский народ,
Когда однажды задрожало небо,
Кровавым золотом взорвался небосвод,
Растаял замок. Будто бы и не был.
Драконы по пещерам разбрелись.
Кляня себя – так глупо просчитались.
Хотели дать совсем другую жизнь
Всем тем, кто в этом даже не нуждались.
Вы, варвары, теперешней судьбой,
Драконам, по незнанию, обязаны.
Вы Варвары, живущие войной.
Вы – Варвары. И этим всё уж сказано.
Но доброта драконов велика,
Во искупление вины перед народом,
Хранителями стали на века
В тяжелый час и в злую непогоду.
Как яркие ночные светлячки
То тут, то там, сопровождаясь звоном,
Находят люди золотые сундучки —
Частички из Святилища Драконов.

Ночь перед Рождеством

В варварской стране когда-то
Жили-были дед и бабка.
Жили тихо мирно очень,
Трех воспитывали дочек.
Все красавицы отменно,
Звались – Таня, Надя, Лена.
Дочки выросли, взрослели,
Только замуж не хотели.
Вот в Рождественскую ночь,
Батя поднял своих дочек,
Всем по валенку вручил,
Грозно им проговорил:
– Хватит спать, мои дочурки,
Вот вам валенки на руки,
Будем за порог кидать,
Женихов вам всех искать.
Куда валенок падет,
Там жених вас значит ждет.
Первой валенок бросала
Дочка старшая, сказала:
– Ты лети, ищи по свету
Жениха, что краше нету.
Чтобы был богат, умен,
Чтоб в меня влюбился он.
Кинув валенок, крестилась,
И искать его пустилась.
Вслед за ней другая дочка
Зашвырнула обувь в ночь:
– Ты лети, ищи по свету,
Жениха, что краше нету.
Пусть силен и ловок будет
Чтоб завидовали люди.
Вот она перекрестилась,
Жениха искать пустилась.
Вот решила третья дочь
Валенок закинуть в ночь.
Улыбнулась и размаху
Бате съездила по паху.
Громко взвизгнул варвар древний:
– Жениха искать в деревне!
Дочь смущенно извинилась,
Жениха искать пустилась.
Первый валенок упал
Прямо в варварский спортзал —
То бишь, на арену клана,

Там нашла его Татьяна.
Парень валенок держал,
И Татьяне он сказал:
– Здравствуй, красная девица,
На тебе готов жениться.
Средней дочке повезло,
Валенок судьбе назло
Дочь нашла в другой стране
Что на южной стороне.
Варвар тот калядовал,
Когда валенок упал,
Он на валенок глядел,
Нюхал и в руках вертел.
Вдруг пред ним предстала Надя,
Чуть смущенно в землю глядя.
– Здравствуй, красная девица.
Хоть сейчас готов жениться!
Дочке третьей не везло,
Было малым их село.
Мужиков тут не хватало,
Молодых и вовсе мало.
Лишь под утро из Таверны
Выпив литра два, наверно,
Из распахнутых дверей,
Вышел варвар Елисей.
Перед ним стояла Лена,
Руса коса до колена.
Глазки – чистый изумрудь,
Третьего размера грудь.
Парня запершило горло
И в зобу дыханье сперло.
– Здравствуй, красная девица!
Можно на тебе жениться?
Лена тихо отвечала:
– Папу я спрошу сначала.
Старый варвар был лишь «за»
По щекам текла слеза:
– Я пристроил своих дочек!
И теперь я счастлив очень.
Долго дочки ждать не стали,
Свадьбы шумные сыграли.
Так старинная примета
Бродит до сих пор по свету.
И в Рождественское чудо
Долго люди верить будут.

Гладиатор. Part 2

Ты на арену сделал первый шаг,
Блестят доспехи, солнце отражая,
И верный меч в руке твоей зажат,
Ни страха, ни сомнения не зная.
Арены пол – безжизненный песок.
Он как никто со смертью породнился.
Он стал циничен, холоден, жесток,
Когда впервые кровью окропился.
Песчинки под твоей ногой шуршат,
И каждая поет свою историю.
Одна расскажет про предсмертный взгляд,
Другая про восторг аудитории.
Но ты не слышишь, ты уже в бою.
Скандируют трибуны твоё имя,
Вот сотоварищи перед тобой встают,
И ты уже готов сразиться с ними.
Победой завершился первый бой,
Ты пережил свой первый приступ боли.
Мир гладиаторов распахнут пред тобой,
Актер арены. Ты им стал невольно.
Ты зрелище для сотни тысяч глаз,
Потеха для господ и для народа.
И на арене ты для всех сейчас,
Актер без имени, без племени и рода.
Скажи, а каково же убивать?
Что чувствуешь, и чем сознание дышит?
Тебя учили просто выживать?
А разум твой чужое сердце слышит?
Что чувствуешь, когда твой острый меч,
Пронзая плоть проходит как по маслу?
И как сознание при этом уберечь,
И как не превратить смерть в постоянство?
Не знаешь ты. Откуда тебе знать.
Еще нет вмятин на твоих доспехах,
Ты вышел просто чтобы побеждать.
Твой первый шаг к чистилищу успеха.
Арены круг. Безжизненный песок.
Таких как ты здесь было слишком много.
От смерти каждый раз на волосок,
Отчаянно с мольбой взываешь к Богу.
А ночью под мерцающей луной,
Бесшумной тенью призрак – гладиатор,
Приходит, беспокоя отдых твой,
Душа тобой убитого собрата.

Замок Ангелов

Не дается стих, не идут слова,
Мысли бьются, словно отверженные.
В замок снежный ангелов собрала.
Мила, девушка хрупко-нежная.

Высоко в горах, среди облаков,
Куполами он к солнцу тянется,
Белоснежный дворец без оград и оков,
Кто туда придет – там останется.

Речка горная задала вопрос:
– И откуда здесь столько ангелов?
Ветер горный Милы ответ принес:
– Быть душою свободным – их правило.

Эдельвейс с вершины горной спросил:
– И откуда здесь столько ангелов?
Словно эхом голос её огласил:
– Быть свободным сердцем – их правило.

Снег холодный с горных вершин спросил:
– И откуда здесь столько ангелов?
Голос Милы ручьем звонким огласил:
– Быть от правил свободным – их правило.

Только тихо ель на вершине горы,
Прошептала, качая ветками,
– Все они людьми были до поры,
С красной кровью, с живыми клетками.

Каждый ей о любви своей говорил,
Каждый ангел дарил ей признания,
Лед холодный их в ангелов превратил,
Слишком снежное обаяние.

И летят на землю, роняя грусть,
Их слезинки – застывшие зернышки.
Они сами себе этот выбрали путь,
Их одежда – снежинки-перышки.

Октябрь

А за окном уже давным давно октябрь,
Ковер холодных листьев под ногами,
И даже дождь сам от себя озяб,
И смысл остатки нежности меж нами.

Подружка осень в платье из листвы,
Танцует вальс по мокрым серым крышам,
А мы с тобой давно уже не МЫ.
И даже воздухом с тобой мы разным дышим.

Закружит скоро снежный хоровод,
Завоет песню скоро злая выюга,
С надеждой жду, что вот зима придет,
И заморозит память друг о друге.

Седой рассвет глядит в моё окно,
На стекла дышит леденящим ветром.
А осень ткёт из листьев полотно,
Чтоб сохранить тепло земли до лета.

Старик

На склоне дня, в тени большого дуба,
Сидел старик и, трубкою дымя,
Невесело свою он думу думал,
Как жизнь свою он прожил не любя.
Как принимал любовь, отдачи не давая,
Как слез не замечал, тех, кто его любил.
Как расставался, имя забывая.
И как легко и просто уходил.
Как шел ногами по сердцам разбитым.
Как скуп был он на добрые слова.
Но вот теперь один, совсем забытый.
Неясный взгляд, седая голова.
Глядел на детвору, что за деревней,
Футбол гоняли, радостно визжа.
«Там мог бы быть мой сын» —
Подумал старче древний.
И волком вдруг завыла в нём душа.
К нему неслышно подошла старуха,
На землю молча опустилась с ним,
– Скажи, за что мне в жизни невезуха?
Спросил старик, глотая горький дым.
– Мне ж говорили, что умен, красивый,
Что лучше всех и что такой один.
Меня ласкали и меня хвалили,
Любимым звали, звали господин.
Так почему они меня забыли?
Иль ввали мне и не было любви?
– Поверь, старик, они тебя любили.
Молились на тебя и берегли.
Но есть закон суровый в нашей жизни.
Коль хочешь ты чего-то получить,
Не смей играть с судьбой, не будь капризным.
Сначала научись себя дарить.
Дарить тепло, заботу, нежность, ласку
Дарить себя, по капле, каждый час.
Любовь тогда лишь превратится в сказку,
Когда она взаимна, двое вас.
Сидел старик, словам в ответ кивая.
Руками сжал он голову в висках.
– Ты бредишь, старая! Да кто ты есть такая?
– Да так. Никто. Я лишь твоя тоска.

Океаны

Так хочется тепла и доброты,
И быть от счастья безмятежно пьяной,
Небрежно говорить с судьбой на ты,
Я жизнь свою делю на океаны.

Огромный самый – океан из слез,
Их много было в жизни не короткой,
Оплакивая нереальность грез,
Топя в слезах потери и находки.

Другой мой океан – моей мечты,
В нём столько перемешано обычного,
Любовь, здоровье и, конечно, ты,
И очень много сокровенно-личного.

Глубокий яркий Океан Детей.
Он вместе с ними каждый день растёт и движется,
Он полон доброты, тепла, идей,
И каждый новый день волною пишется.

Есть океан работы и проблем,
Тяжелой ношей до краев наполненный,
Но он по-своему прекрасен только тем,
Что берегами ограниченный дозволенного.

Есть океан из глупости и снов,
В нём тихо тонут здравый смысл и разум,
Туда порой бросается любовь,
И выплывает далеко не сразу.

У памяти свой странный океан,
Подводных рифов и глубин опасных,
Душевной боли и сердечных ран,
И всё, что было сделано напрасно.

И самый маленький, желанный водоем,
В себя вобрал всех океанов части.
И этот океан мы назовем —
Простое. Человеческое. Счастье.

Плакало небо

Плакало небо холодным дождем,
Хмурилось черными тучами,
Смотрело как реквием мы поем,
Забыв и разрушив всё лучшее.

Солнце сказало: – Не буду светить,
Вам, бестолковым людям.
Вы не умеете счастье ценить,
Света вам больше не будет.

Следом за солнцем сказала Луна:
– Я ночью влюбленным светила.
Но вот наступила в любви тишина,
И всех безразличьем накрыло.

И яркие звезды с холодных небес,
Шептали: – Наивные люди...
Теперь уж не важно, с любовью иль без,
Но света вам больше не будет.

И поздно уже исправлять и менять,
Возрата, увы, невозможно,
Как просто бывает любовь растоптать.
Словами неосторожными.

Жизнь глазами детей

Давайте научимся жить у детей,
Попросим у них разноцветные краски.
И, может быть, станем чуть-чуть веселей,
Честнее и проще, душою не грязные.
И сердце раскрасим на много цветов,
Зеленый – любите природу,
А розовый цвет – это цвет наших снов,
А цвет голубой – небосвода.
Ну красный понятно – то красная кровь,
Горячая, страстная, жгучая,
Такими цветами рисуют любовь,
Людей истязая и мучая.
Добавим палящего солнца жар,
Луну серебристо-желтую,
Оранжевых листьев осенний пожар,
И небо, грозою расколотое.
Давайте посмотрим глазами детей,
На нас – таких глупых и взрослых,
Мы в суетном беге растянутых дней,
Душою и сердцем замерзли.
Спешим и торопимся, просто забыв,
Что дети всё видят иначе,
Живут широко свои глазки открыв,
И небо их слезками плачет.
Каждый ребенок, придя в этот мир,
Достоин счастливой жизни.
А жизнь так упрямо похожа на тир,
Наносит удары капризно.
Возьмите ребенка, прижмите к груди,
Скажите ему «Самый лучший!»,
Я рядом, малыш. У нас всё впереди.
Мы вместе шагаем в будущее.

Мама

Мама, мамочка... Помнишь, платье из ситца?
Ты его на моё день рождения шила.
А я помню. Оно до сих пор мне снится,
Как я в нем среди зала кружилась.
Самый светлый и самый счастливый
Был тот день. Когда все еще вместе.
День, в котором все еще живы.
За большим столом было тесно.
А потом самый черный год.
И сознание не принимало,
Шел и плакал за гробом народ.
– Почему вдруг тебя не стало?
А на первое сентября,
Мелкий дождик печально капал,
Улыбалась, с небес глядя,
Меня за руку в школу вел папа.
И я верю, ты видела всё,
Пораженья мои и победы,
И дыхание я твоё,
Ощущала всегда при этом.
Мама, помнишь мой выпускной?
Я сквозь слезы на небо глядела,
Словно образ такой твой родной,
Разглядеть в небесах хотела.
Пьедестал чемпиона России,
Взгляд на небо. Взирая упрямо,
Я тогда небеса просила:
– Посмотри на меня, моя мама!
А на свадьбе моей, я помню,
Тихий шепот: – Куда ты, дочка?
Две руки, мне на плечи, словно,
И вдруг стало спокойно очень.
И всю жизнь мы с тобою рядом.
Пусть незримо и только в молитвах.
Мама. Мамочка. Милая мама.
Ты жива! И ты не забыта!
Черт возьми! До сих пор так больно.
За слезою слеза сбегает.
Губы шепчут упрямо, невольно.
– Мама, как же тебя не хватает...
Вот уже одного с тобой года,
Я ныряю в болезни как в яму,
Но сквозь слезы твержу зло и гордо:
– Я смогу! И я справлюсь, мама.
Ты мой ангел-хранитель светлый,

Ты с небес мне во всем помогаешь,
Я люблю тебя беззаветно.
И уверена, ты это знаешь.

Танго Любовь

Танцуем танго под названием Любовь,
Рука в руке – сердец одно биение,
И в вихре самых нужных, нежных слов,
Забыв про боль мы тонем в наслаждении.

Танцуем танго под названием Мечта,
Нога к ноге – совместное скольжение,
Наш самый первый, самый важный шаг,
Отринув прочь тревоги и сомнения.

Наклон и поворот двух разных тел,
О как крепки и как нежны объятия,
Под своды тихий тихий стон взлетел,
Танцуем танго под названьем Счастье.

Щека к щеке – дыхание на двоих,
И пряный сладкий привкус поцелуя,
И нежных взгляд красивых глаз твоих,
Два омута, в которых утону я.

Скользит рука от поясницы вниз,
А я ласкаю нежно твои волосы,
Весь мир остановился и затих,
Люблю тебя. И я люблю. Два голоса.

Забыв про всё, есть только ты и я,
Накрыла с головою безмятежность,
Ты мой. Ты только мой. А ты моя.
Танцуем танго под названьем Нежность.

И завтра пусть исчезнет всё как сон,
И пусть наш мир развалится на части.
Сегодня я люблю и ты влюблен.
Танцуем танго под названьем Счастье.

Танец для тебя

Стоя у стены, лицом к тебе,
Я застыла словно пред расстрелом,
Улыбнувшись злой своей судьбе,
Начинаю танец свой несмело.

Проведу по линии бедра,
Изподлобья взгляд украдкой брошу.
Покачнулась, словно ожила.
Нравится? Ну что ж, тогда продолжу.

Наклонилась низко, по ноге,
Проведу рукой от самых пальцев.
Поднимаюсь медленно теперь,
Странный, грешный, нереальный танец.

Взмах руки и тела поворот,
И по стенке медленно сползаю.
Повернула голову и вот,
Тело я к ногам твоим бросаю.

Спину прогибаю и ползу,
Словно кошка, тихо и бесшумно.
Резко поднялась и как-то вдруг,
Закружилась в вихре страсти буйной.

Ты стоишь и не отводишь глаз,
Губы сжаты и не улыбнешься.
Для тебя всё это в первый раз,
Думаешь, что вот сейчас проснешься.

Прикоснулась я к стене щекой,
Руки в стороны, перед тобой распятая.
Что же вытворяешь ты со мной,
Жизнь моя, любовь моя проклятая.

Стриптиз... души

Шелковый халат скользнул к ногам,
Обнаженная и в полумраке ночи,
Всю себя до капли я отдам,
Только если ты того захочешь.

Свет свечи ласкает мою грудь,
Даже видно как там сердце бьется,
По бедру сползает лунный луч,
Блеск звезды волос моих коснется.

Босиком по млечному пути,
Словно по дороге к эшафоту,
Я готова этот путь пройти,
Чтобы быть любимой для кого-то.

Нет, не так... Хочу себя дарить,
Но чтоб обязательно взаимно,
И хочу о чувствах говорить,
Называть любимым, нежным, милым.

И проснувшись, ощущать тепло,
Настоящего мужского тела,
Не бояться, что растает сон,
И исчезнет всё, чего хотела.

Шелковый халат скользнул к ногам,
Ну... Не реагируйте так шумно.
То что я сейчас открыла вам,
Был... Стриптиз...
Души моей безумной.

Касимов

По просторам великой России,
Много мне доводилось скитаться,
Но всегда возвращалась в Касимов,
И нигде не хотелось остаться.
Только здесь, среди улочек тесных,
Под шатром из деревьев могучих,
Заблудились и память и сердце,
В этом городе – самом лучшем.
Здесь Ока изогнулась склонами,
Берег левый в садах теряется,
И Петровскими чудо – колоннами,
Кораблям проходящим кланяется.
Город древний с великой историей,
Двух народов, религий творение,
И высокой скажу аллегорией —
Символ братства и единения.
Православные церкви красивые,
Мусульманские полумесяцы,
В сердце милом родном Касимове,
Места хватит всем, всё поместится.
Вознесенский собор белокаменный,
В небеса куполами выстрелил,
В революциях жаркого пламени..
Ты не сдался, ты смог, ты выстоял.
Бродит память по дому боярскому,
Смотрят окна в резных наличниках,
На гробницу хана татарского,
На мечеть с минаретом величественным,
И уже никогда не уеду,
И другого края не надо,
Здесь могилы родителей, дедов,
За кирпичной кладкой ограды.
Даже небо печально серое,
Здесь родное, своё и близкое,
Здесь свою мы историю делаем,
В каждом сердце рассветными искрами.
Посреди бескрайней России,
В самом сердце Мещерского края,
Город древний, любимый Касимов.
Моя родина дорогая.

Моя победа

Случаются неважные победы.
Случается, победы не важны.
Девчонка в платье розовом и в кедах,
Всегда мечтала поэтессой быть.

Задорные веснушки и косички,
Веселый смех, росла среди пацанов.
Она имела странную привычку,
Плести цепочки из различных слов.

А первый стих пришел к ней лет в пятнадцать,
Второй – на восемнадцатом году.
Потом, уж было далеко за двадцать,
Родился новый стих в горячечном бреду.

Потом стихи на время отступили.
И интерес к стихам, казалось бы, пропал.
Но года два назад её накрыло.
Свершилось. Звездный час её настал.

С тех пор она везде искала рифму,
И мысли, как отдельные стихи.
Легенды, сказки, варварские мифы.
Всё рифмовалось воле вопреки.

И пусть она не стала поэтессой.
И пусть, что неизвестна до сих пор.
Но каждый стих своё находит место.
Её душа находит в них простор.

Случаются неважные победы.
Случается, победы неважны.
Уже не девочка, а женщина, сквозь беды,
Свою победу забрала у тьмы.

Не умер в женщине девчонки звонкий смех,
Однажды жизнь свою начав сначала.
И этот стих сейчас для вас, для всех.
Она свою Победу одержала.

Песнь соловья

Холодное утро, дымок сигаретный,
И всякая чушь по сознанию ползет.
Тяжелые мысли и в дымке рассветной
Соловушка грустно о чем-то поет.
О чем ты грустишь, беззаботная птица?
Тебе ли скучать, трубадур и певец?
Ты создан любить и в любви веселиться,
И песнею быть для влюбленных сердец.
Взлетела под солнце последняя нота,
Соловушка голову набок склонил,
Как будто, с последним высоким аккордом,
Лишился последних своих птичьих сил.
– Ты думаешь мы о любви лишь мечтаем?
И только о чувствах любовных поем?
Мы многое видим, мы много летаем.
И песни о всем на земле создаем.
Мы видели невскую битву когда-то,
И с Ольгой Княгиней страдали от горя,
Смеялись и плакали в наших балладах,
О всех, тех кто выжил средь бранного поля.
Мы пели когда разгромили французов,
Свистели во след даже Наполеону,
И видели, плакал от счастья Кутузов,
И пели о всех, не дошедших до дома.
Слагали мы песни под залпы Авроры,
На штурм провожая солдат, моряков,
И песней своей мы, за городом город,
Будили от тяжких царских оков.
Война сорок пятого – страшное время,
Мы пели в надежде хоть чем-то помочь,
И трель соловьиная над батареей,
Звучала, звенела всю темную ночь.
Мы вместе со всеми потом возрождали,
Страну из руин, и строили Бам,
Мы песней своей как могли помогали,
Чтоб было хоть капельку легче всем вам.
Но даже в тяжелое, смутное время,
Любви было больше и больше страстей,
Так что же случилось теперь со всеми?
Что даже птицам петь тяжелей.
Так мало осталось чистого светлого,
Любви, доброты и тепла – по чуть-чуть.
И как много чувств, в пустоту, безответных,
Всё чаще и чаще охота взгрустнуть.
И мы – беззаботные вольные птицы,

Стараемся боль вашу переварить,
И с новым рассветом, как жизни страницы,
Благое и доброе учим ценить.
Холодно утро. Дымок сигаретный,
Умолк соловей. И в рассветной тиши.
За умною птицей, словами поэта,
Поставила точку, свой стих завершив.

Смогла бы?

Смотрю кино про подвиги солдат...
И вдруг подумала,
– А что бы было, если,
Меня б туда. На семь десятков лет назад.
Я стала бы героем этих песен?

Смогла бы я, как те, кто не пришел,
Сражаться так же смело, беззаветно?
Иль на морозе, вся облитая водой,
Молчать и не давать ответов.

Вообще, смогла бы просто убивать?
Людей не видя в вражеских солдатах.
Как можно человека расстрелять?
И с этим жить потом спокойно, безоглядно.

Не знаю... Можно много говорить.
Одно бесспорно – подвиг их бесценен.
Нам довелось в другое время жить.
Спасибо тем, кто Родине был верен.

Лики Победы

Я странное дитя семидесятых.
Войну Великую по книгам изучала.
Поклон Вам, победители-солдаты!
На ту войну, простите, опоздала.
На мраморной плите увековечены,
Навечно молодые и красивые.
А сколько их вернулось искалеченных,
А сколько их остались позабытые.
У каждого из них своя Победа.
Свой вклад, внесенный ношей непосильной.
Десятки тысяч, не доживших до рассвета,
Соединила Братская могила.
Июнь. Июль. Всё только начиналось.
Передовая. Брустверы из трупов..
Мальчишкам ничего не оставалось,
На танки, с голыми руками, стиснув зубы.
Окопы из кровавого потока,
И сотни тысяч молодых ребят.
Статистика упряма и жестока,
Но среди живых нет Рядовых солдат.
Кто их тогда считал, и кто расскажет?
Тех, кто за нашу Родину сражались.
Им было страшно – школьники вчерашние.
Они свою Победу одержали.
Ночная смена. У станка девчонка.
От холода и голода шатаюсь,
Замерзшими и тонкими рученками,
Свой вклад в Победу совершить пыталась.
Еще один снаряд готов к отправке,
А есть ли те, кто помнит её имя?
Ни документов нет, нет даже справки,
Но разве же она не Героиня?
А целые деревни вымирали,
Где не было в помине сельсоветов.
Там наши женщины в плуги впрягались,
Растя зерно – всё для своей Победы.
Не сочтены и не упомянуты,
Их дети, что от голода погибли.
И их Победой стали те минуты,
Что всем смертям назло прожиты.
А Ленинград? Голодное проклятье.
Дома-скелеты в призраке Победы.
Отцы и матери. Сестренки. Братья.
И их собака, ставшая обедом.
Я, может, крамольно свои слагаю мысли,

Прошу простить и не сочтите бредом.
Скажу словами всем известных истин —
Имеет очень много лиц Победа.
Предательство во все века в истории,
Отмечено зловонной черной повестью,
И одержали эти недостойные,
Свою победу. Над своей же сгнившей совестью.
Не верили в Страну, в народ не верили.
Взыграл инстинк звериный выживания.
И им в награду дали поколения,
Позорное, холодное изгнание.
Всё пережили. Вот он – День Победы!
Фашизм низвергнут и под флагом белым.
Не прячут слезы наши с вами деды.
Солдаты и Народ. В едином целом.
Я странное дитя семидесятых.
Войну Великую по книжкам изучала.
Поклон вам низкий до земли, Солдаты!
На ту Войну, простите, опоздала.

Не люблю

У Высоцкого есть песня «Не люблю».
Почему сейчас её я вспомнила?
Потому что, никогда не говорю,
То, чего сама бы не исполнила.
Не люблю, когда берут судить,
Кто практически некомпетентен.
Прежде, чем что-либо говорить,
За свои слова попробуйте ответить.
Не люблю, когда взывают мозг,
Фразами, прочитанными где-то.
И несут словесности понос,
Лишь бы что-нибудь, кому-нибудь ответить.
Не люблю, когда под маской вдруг,
Оказался тот, кому ты верил.
Думаешь – а он же был мой друг.
Стоя пред захлопнутою дверью.
Не люблю неискренность и фальшь.
Лучше прямо, сразу, с разворота.
Чтобы от иллюзий не страдать,
Что напрасно ты надеялся на что-то.
Не люблю, когда в потоке лиц,
Как мишень, всего один затылок,
Не люблю заплаканных ресниц.
Не люблю, когда излишне пылок.
Не люблю холодных скользких рук.
Не люблю потоков сладкой речи.
Не люблю я судорожных мук.
Не люблю, когда слова-картечи.
Не люблю, когда бессильна я,
Изменить, исправить, переделать.
Не люблю, когда мои друзья,
Мной манипулируют умело.
Не Высоцкий я. И не поэт.
Злостью я сама себя гублю.
Но уж дважды мне сказали «нет»
Больше никогда не полюблю.

Шагает март

Шагает март, пока еще несмело,
Пока еще, с оглядкой на метель.
Под грозный шопот снежной королевы,
Под звонкую веселую капель.

Шагает март, ведет с собою праздник,
Чтобы поздравить женщин дорогих,
Любимых, нежных, добрых и прекрасных.
Веселых, умных, грустных и простых.

И солнечным лучом стучится в окна,
Сосульками заплачет, зазвенит.
Зима уже насупилась, намокла..
И каплями на крышах задрожит.

Несет с собою март цветов охапки,
Подснежники, тюльпаны – всё для вас.
Игриво вьется локон из под шапки,
И ярче уже блеск любимых глаз.

Короче, откровенней стали юбки,
И глубже стали ваши декольте.
Распахнуты пальто и полушубки,
Открыв обзор всей вашей красоте.

Мужчины сбились с ног – ища подарки,
Штурмуют магазины день-деньской.
От украшений ломаются прилавки.
Залиты туалетною водой.

И всё к ногам своих любимых женщин,
Для мам и бабушек, сестренок и невест,
Ведь женщины – не больше и не меньше.
Для вас благословение небес.

Ваш стимул и опора в вашей жизни,
Когда есть для кого на свете жить,
Мужчины, научитесь нас, капризных.
Принять как есть. Какие есть – любить.

Шагает март! Весна берет начало.
Восьмое марта – самый женский день,
Желаю всем, чтоб сердце отвечало,
Чтобы растаяла тоски и грусти тень.

Ты королева

Не плачь, – шепчу, – пожалуйста, не плачь,
Не нужно слез, их всё-равно не ценят,
Улыбку на лицо, а сердце спрячь,
Ты королева в жизни и на сцене.

И пусть не поняты твои слова любви,
И пусть напрасны были все признания,
Живи и смейся, всем назло живи,
И пусть остынет сердце от страдания.

Закаменелой черствою душой,
Пиши стихи и разрывая память,
Иссякнут слезы, обретя покой,
Воспоминанья перестанут ранить.

Цветущей лжи разбиты зеркала,
В осколках острых отраженье сердца,
Ты столько зря надеялась, ждала,
Держа всегда открытой настежь дверцы.

Ты столько отдавала в пустоту,
Дарила каждый раз себя напрасно,
И каждый раз ты верила в мечту,
И отдавалась безудержно, страстно.

И тем больнее падать каждый раз,
Когда ты словно брошенная кошка,
Была гонима прочь с любимых глаз,
Всё было ложью, просто понарошку.

Так сколько можно унижать себя?
Не плачь, – шепчу, – и поднимись с коленей,
Пусть плачут те, кто прожил не любя,
Не стоят твоих слез и преклонений.

И пусть последней горькою слезой,
Прольется стих на белую бумагу,
На сцену, освещенную грозой,
Под занавес ты выйдешь твердым шагом.

Пепельный путь

Посыпая путь свой пеплом,
Распадаясь на кристаллы,
Я от слез давно ослепла,
Я тобой болеть устала.

Злобной сукой сверлит память,
Бьет поддых воспоминаньем.
И пытается расплавить,
Всю меня всем в назиданье.

Только теплыми словами,
Тех, которые не скажешь,
Я укроюсь как щитами,
Хрен меня возьмешь и свяжешь.

Намертво сжимая душу,
Онемевшими зубами.
Не позволю вам разрушить,
Всё, что было между нами.

Горький мед обманом липким,
Обволакивает разум.
Частоколом в ряд ошибки,
Совершенные все разом.

Память – всё, что мне осталось,
В океане черной грусти.
В новый мир, как оказалось,
С этой ношей нас не пустят.

И по замкнутому кругу
День за днём проходит время.
Быть любимым или другом,
Согласитесь – это бремя.

Девочка-кошка

Ты коготками скребешься в окошко,
Сон прогоняя, мешаешь уснуть,
Мной не любимая девочка-кошка,
Ты же сама себе выбрала путь.
Ты же всё знала, что больше чем другом,
Мне быть не можешь, напрасно не жди,
Сквозь отчужденную снежную вьюгу,
Шла напролом не свернула с пути.
Тысячу раз посылал – возвращалась,
Я проклинал – ты смеялась в ответ,
И через боль всё-равно улыбалась,
Словно других мужиков больше нет.
Я привыкал, что незримою тенью
Рядом со мной ты всё время была,
Я принимал это с царственной ленью,
Ты каждым вздохом со мною жила.
Я улыбался – ты нежно мурчала,
Спинку прогнувши, лежала у ног,
Я понял – ты лаской меня приручала,
Чтоб без тебя я дышать не смог.
Я понял – теряю контроль над собою,
Ищу тебя взглядом, скучаю и жду,
Наверное, это зовется любовью,
Когда каждый час без тебя, как в бреду.
Однажды, устав от любви «понарошку»
Мякнула: – Я же тобою жила...
И гордой походкою девочка-кошка,
Выпрямив спину, просто ушла.
Оставила мне беспокойную память,
Тревожные шорохи, запах духов,
Не дав мне возможности что-то исправить,
А я оказался, увы, не готов.
И в шорохе веток за темным окошком
Мне чудится каждую-каждую ночь,
Что мною любимая девочка-кошка,
Вернется, печаль прогоняя прочь.
Вернется и будет мурлыкать мне снова,
Теплом согревая и нежность даря.
Как часто бываем к любви не готовы,
Живем принимая, не благодаря.
И только теряя ценить начинаем,
Вот только возврата назад уже нет.
И часто мы сами же разрушаем,
И гасим надежды таинственный свет.

Экспромт, чуть-чуть похожий на рэп

Кап кап кап кап...
Дождь за окном по крыше стучит – небо плачет.
Поздно что-то менять, уже не будет иначе.
Кутаюсь в теплый халат совсем не новый.
Мысли в такт дождю стучат – любимый на всё готова.

Только не молчи, скажи хоть слово.

Ночь накрывает тоской словно покрывалом.
Сколько мы знакомы с тобой – боже как-же мало.
Перебираю в бреду осколки острые памяти.
Ногами босыми иду и больно падать мне.

Ну почему ты молчишь, ведь ты совсем не каменный!

Письма твои храню и всё, что с тобою связано.
Глупые мысли гоню, сама собой наказана.
Сердце устало стучит – зачем ты дура поверила.
Прячусь от глупых обид за толстыми стенами, дверями.

Всё это тоже пройдет, пройдет, конечно, со временем.

Ты где-то там далеко не знаю чем занимаешься.
Не вспоминая про нас и позвонить не решаешься.
А, может, просто не хочешь и номер мой удален уже.
А, может, в чувствах к другой на новом ты вираже.

И всё-равно, что давно моя душа в неглиже.

Забуду всё, словно сон, кошмарный бред неосознанный.
Спасибо за счастье с тобой, за миг короткий и розовый.
А дождь конечно пройдет, не может дождь идти вечно.
И теплый халат упадет на пол в мерцании свечном.

Я встречу новый рассвет с другим в любви быстройтечной.

Моё высочество

По капле, по слову, по буковке,
Осколочки счастья складывать.
На нитку судьбы, как бусинки,
Минутки нанизывать сладкие.

Чтобы в момент одиночества,
Перебирая их пальцами,
Шептать – ты моё высочество.
Так было. Есть. И останется.

И верность хранить неиспачканной,
Чище наряда свадебного,
Пока он подружек пачками,
Дарует счастьем украденным.

Он даже не помнит их имени,
Сколько их было – не считано,
Неспешной походкой ленивою,
Эмоции спят забытые.

Холодные губы растянуты,
В улыбке змеиной, каверзной,
Бесчувственный и беспамятный,
С обличьями, каждый день разными.

Живущий в своё удовольствие,
Чужою питаюсь слабостью.
С присущей всем демонам вольностью.
С обманчиво – лживой сладостью.

Мой демон. Моё пророчество.
И мне от тебя не спрятаться.
Шепчу – ты моё Высочество.
Так было. Есть. И останется.

Black black heart

Роняя холодные слезы, проснулось осеннее утро.
Дождем бесконечно грустным сознание грубо будит.
И вроде, всё как обычно, и всё как всегда как-будто.
Но черное-черное сердце любить уже больше не будет.

Оно, как и все хотело любви бесконечно нежной.
Стихи в пустоту дарило словами давно избитыми.
В ответ получало только бури холодные снежные.
И черное-черное сердце покрылось корой антрацита.

Наивное, нежное, хрупкое горячими красными буквами.
Писало повесть нелепую, не зная, что пишет пророчество.
Оркестр оглушительно траурный туш исполняет трубами.
А черному-черному сердцу любить уже больше не хочется.

Капельки крови отчаянно корчились в ярком пламени.
Сжигая всё то, что помнило и то, что так долго любило.
В последний раз чувства ненужные взвились погребальным
заревом.
И черное-черное сердце теперь навсегда остыло.

Ангел-Хранитель

Я сижу на краю пропасти, на коленях у меня лежат два больших, белых, красивых крыла.

Я выдергиваю по одному перышку, словно гадая на ромашке, любит/ не любит. И я заранее знаю ответ... Но... Пока бьется сердце, надежда живет.

Мой ангел стар и вечно пьян,
Бубнит всегда: «Не плачь, прорвемся,
Не страшно, жизнь не океан,
А значит мы не захлебнемся».
И свесив голову на грудь,
Мой ангел с храпом засыпает,
У нас один с ним в жизни путь,
Но он меня не охраняет.
Уже давно ослеп от слез-
Так много за меня он плакал,
Он много боли перенес,
И я как поводырь-собака
Его теперь веду с собой,
Везде, куда бы ни случилось.
Мы крепко связаны судьбой.
Ну да, вот так у нас сложилось.
А был он молод и силен,
Меня всегда от бед спасая,
Мечтали вместе – я и он,
Что вот придем к воротам Рая.
Всегда смеялся и шутил:
– Ну что расклеилась, старушка!
Но, видно, выбился из сил,
Моё плечо – его подушка.
Когда-то пили с ним вино,
Когда-то в прятки с ним играли,
И словно мы в немом кино,
Без слов друг друга понимали.
В болезни рядом день за днем,
В моём приткнувшись изголовье,
Он ангельским своим теплом,
Хранил меня своей любовью.
Но, видно, исчерпав лимит
Тепла, добра, любви и света,
Сказал: – Морально я убит.
И сгинул прочь с порывом ветра.
Оставил два своих крыла:
– А вдруг... А может, пригодятся,
Спасибо, что со мной была.

Прости безумного паяца.
На крае пропасти сажу,
И в бездну перышки бросаю,
И белым точкам вслед гляжу,
И тихо-тихо повторяю:
– Чудные люди... Каждый раз,
Когда дела свои вершите,
Не забывайте, что за вас,
В ответе ангел ваш – Хранитель.

Сердце в дар

Она просила: – Сердце в дар прими.
Он улыбнулся: – Что же в нем хорошего?
Такое хрупкое, легонечко сожми
И нет его. Лишь кровавое крошево.

И сжал. И улыбаясь наблюдал,
Как мимо пальцев осыпалось сердце,
Потом струей холодной отмывал
Остатки той, что не смогла согреться

Надоело

Мне надоело любовь выпрашивать,
Глупой надеждой одиночество скрашивать,
Чужую ласку за другими донашивать,
Нужна ли тебе – бесконечно спрашивать.

Не на помойке себя отыскала.
Сколько сама себя в ноги бросала,
Хватит. Предел. Я смертельно устала.
Лучше одной, чем той, кем я стала.

Нежность? Кому оно нужно, скажите?
Верность? В другом её теле ищите.
Ласка? Вообще незнакомое слово.
Псих-одиночка к полету готова.

Злость – вот и всё, что во мне остается,
Ехидство, особенно мне удастся.
Шаг до безумия. Песня над бездной.
Может, такой буду я интересна.

Любовь и быт

Давай ударим бытом по любви,
Начнем скандал из-за немытой кружки,
И планы все, надежды все свои,
Из обоюдной вредности разрушим.

Амбиции свои на первый план,
И сомн желаний – песня эгоизму.
И вот итог – один назавтра пьян,
Другая прячет страсть за пофигизмом.

В своих обидах обо всем забыв,
Друг друга бьем по самым главным точкам,
И разбегаемся друг друга не простив.
И воем по ночам по одиночке.

И только лишь, когда упали вниз,
Достигнув пика, апогея боли,
Когда из-под опущенных ресниц,
Слеза стекает горькая невольно...

Мы понимаем, как же мы глупы,
В своих амбициях других не замечая,
В величии своем глухи, слепы.
И лишь любовь одна за всех прощает.

Горький жемчуг

Слезы... Горьким соленым жемчугом,
По щекам, по губам рассыпались,
Не пойму сама – было ль, не было.
Может, просто друг другом насытились.

Может, просто сама всё придумала,
Может, нужно умерить фантазию,
И прошу я для сердца глупого,
Примените ко мне эвтаназию.

Чтоб не мучилась и не маялась,
Чтоб других стихами не мучала,
Сотни раз я уже покаялась,
Что доверила сердце случаю.

Перепутала жизнь реальную,
С глупой сказкой, наивная женщина,
И душа моя ненормальная,
В паутине..как в мелких трещинах.

И не важно совсем – было ль, не было,
Бей больнее, чтоб уж не рыпалась,
Чтобы боль моя горьким жемчугом,
В придорожную пыль осыпалась.

СТИХ ДЛЯ КОСТЛЯВОЙ

Кровью заляпано платье души,
Черные мимо смотрят глазницы.
Тихо, костлявая, не дыши,
Хорош надо мною кружиться.

Я не раба, не слуга и паж.
Я не твоя подстилка.
Ты утверждала – любовь это блажь,
Бред нереально пылкий.

Нет уж, старуха, не блажь и не сон.
Любовь нам – подарок свыше.
И вовсе не важно, что он не влюблен,
И сердце моё не слышит.

Иди-ка отсюда, костлявая тварь,
В саване белом с косою.
Лет через сорок взойду на алтарь,
Тогда и споем с тобою.

Больница

Мне бы пару часов одиночества,
Чтобы в голос, по-бабьи завывать.
Я ж живая еще и мне хочется,
Полноценною жизнью жить.

На белые стены не пялиться.
От боли не выть по ночам.
Может, смерть надо мною сжалится,
И на ушко шепнет врачам.

Чтобы больше меня не мучали,
Не кромсали десятки раз.
Но и смерть продажная ссучилась,
Только черные слезы из глаз.

Дверь прикрыла и тихо уходит.
Белый саван по полу шуршит.
Нервы в хлам, а терпенье на взводе.
Мне бы пару часов в тиши...

Заперто

При всем уваженьи к Есенину,
Не буду его цитировать.
И в это утро осеннее,
Попробую импровизировать.

Про чувства, нахрен ненужные,
И про обиды вчерашние,
Про рифмы-строчки натужные,
Про сердце, напроць продажное.

Что ж орган, ты, кровокачающий.
Мой разум совсем не слушаешь.
Как юзер-нуб начинающий,
Всё что тебе врут – кушаешь.

Любви захотелось, глупое?
Ты мало от боли маялось?
Любовь оказалась сукою,
Бродяжкой чужой неприкаянной.

Пришла, посидела, насытилась.
И дальше, своей дорогою.
А ты, как всегда, обиделось,
Что мало тебя потрогали.

Тебе бы, сердце наивное,
Панцирь железно-кованный.
Чтоб не болело, не ныло ты,
Когда по нему подковами.

А осень, подруга верная,
В душе поселилась намертво.
Живет своей жизнью вселенная,
На сердце табличка «Заперто!»

Больница. Part 2

Небо в черных пятнах облаков,
Утро в сером покрывале тихой грусти.
Я под тяжестью согнулась от оков.
И на небеса меня не пустят.

Крылья с мясом выдраны давно,
Под кровать заброшены, забыты.
Губы шепчут, как в немом кино,
А глаза в отчаяньи раскрыты.

Боль вернулась и не хочет ждать,
Ей без разницы, что я не все успела.
Хочет снова в плен меня забрать.
Тварь! Ты слишком много захотела.

Я не сдамся и назло тебе..
Буду жить как прежде – полной жизнью.
Хоть идешь ты рядом по судьбе,
Слишком рано ты по мне справляешь тризну.

Упаду с кровати и ползком,
Два крыла назло тебе достану.
Слезы высохнут, растает в горле ком.
У меня ещё большие в жизни планы.

Белая боль

У боли абсолютно белый цвет,
Бездушный лед, прозрачный и холодный.
У боли никаких оттенков нет,
Лишь хоровод снежинок сумасбродный.

Когда друзья забыли, что ты есть,
Когда тебя совсем не замечают,
За белою стеною занавес,
Холодный снег печаль твою ласкает.

Когда любовь ответа не нашла,
Как белый дым стоит перед глазами,
Отчаяния белая стена,
Твоими окропленная слезами.

Когда осталась ты совсем одна,
Как белый саван траурной одежды,
В свои тиски сжимает тишина,
Твой белый пепел умершей надежды.

У боли абсолютно нету глаз,
Она слепа..глуха и безразлична,
Она, поверь, не выбирает нас,
В припадке белоснежном истеричном.

В свете заката

В свете заката стекает по сердцу ртуть,
И безвозвратно уходит куда-то жизнь.
Но я не плачу, пусть всё проходит. Пусть.
Я не умею просто и тупо быть.

Лучше сгорая взлетать к облакам ввысь.
Чем пепелищем черным и грязным тлеть.
Иль по наклонной камнем катиться вниз.
Лучше я буду громко отчаянно петь.

И растворяясь в утреннем небе звездой.
Жить ожиданием темной ночной поры.
Может, однажды услышу – не уходи! Стой!
Словно в сценарии старой как мир игры.

Справится сердце, выдержит страшную боль.
Сбудется всё, что позволили мы мечтать.
Непостоянная странная наша любовь.
С первым лучом вернется в сердце опять.

Утренний экспромт под шум дождя

– Дождик, дождик, скажи – почему люди плачут?
Вдруг слеза побежит и не скроешь, не спрячешь.
И ответил мне дождь, барабана по крыше:
– Потому что порой не умеете слышать.

– Дождик, дождик, скажи – почему людям грустно?
Вдруг на сердце порой одиноко и пусто?
И ответил мне дождь, словно всех нас жалея:
– Потому что мгновенья ценить не умеют.

– Дождик, дождик, скажи – почему люди злятся?
Почему наша жизнь как сценарий паяца?
Дождик важно прошел по карнизу и молвил:
– Потому что всегда люди всем недовольны.

– Дождик, дождик, скажи – а любовь – это нужно?
И нужны ли слова, те что рвутся наружу?
Дождь застыл на стекле, искажая мир в призме.
И ответил: – Любовь – это главное в жизни.

– Дождик, дождик, скажи – как относишься к смерти?
Может, это итог нашей жизни на свете?
С неба ливнем ответил, боли горькой не пряча:
– Когда кто-то уходит, небо дождиком плачет.

Воспоминания

Вечер. И снова приходит печаль.
Воспоминанья назойливо лезут.
Нет, ничего мне в прошедшем не жаль.
Воспоминанья порою полезны.

Что-то в дальнейшем мешает опять.
Босыми ногами на острые грабли,
С глазами закрытыми, снова встать,
На землю пролив ярко-красные капли.

Что-то порой помогает понять,
Глупость поступков, свершенных однажды.
Иль позволяет не забывать,
О сокровенном, единственно важном.

Есть память, вернее какая-то часть,
Которая греет в ночи одеялом.
Частички души не дает украсть.
Души никогда не бывает мало.

Есть память – пощечиной горькой бьет,
Щеки краснеют, пылают уши,
И в сердце рождается черный лед,
И пламя сердечное тушит.

И словно флеш-плеер ночью порой,
Включается грустно, печально.
Кадры, фрагменты, файлов рой.
Play – выбор случайный.

Твоя кукла

Уснуть, провалиться, как в омут в сон,
Во сне среди грез и тяжелых кошмаров,
Найти, отыскать – где-то там обязательно он,
Мой демон и бес. Мой властитель туманов.

Мой самый единственный нужный. Один.
Таких больше нет и не стоит стараться,
Мой личный наркотик и мой господин,
Но с ним тет-а-тет не боюсь остаться.

И целовать, словно это единственный шанс.
И не стесняясь ничуть обнаженного тела.
С неистовой страстью, как будто в последний раз.
Я еще здесь, а душа уже улетела.

А утром, снова с трудом открывая глаза,
Что за ночь от слез, не успев отдохнуть, опухли.
Глядя на сонный рассвет, устало сказать:
– До встречи в ночи... Тебя ждет в своих снах...
Твоя кукла.

Снова

Снова забираюсь в твоё сердце,
Сквозь лазейки, маленькие дверцы.
Твой парадный вход другой назначен.
Мне бы не ходить, но как иначе.

Снова забираюсь в твою душу.
Кто-то шум моих шагов упрямо глушит.
Значит та, другая, всё-же лучше.
А меня обида душит. Душит.

Снова навязать себя пытаюсь,
Горьким слезами умываясь,
Гордость моя где-то тихо бродит,
Ищет выхода из тупика и не находит.

Снова в моем сердце иглы вуду.
Для тебя любимой уж не буду.
Добрых, нежных слов давно не слышно.
Это значит – моё время вышло.

Дай Бог

Я мысленно похоронила прошлое.
В сырую землю, чтоб быстрее сгнило.
Наверно, даже было там хорошее.
Но это было. И давно прошло.

Я сверху положу плиту надгробную,
Чтоб никогда не доставать на свет,
Воспоминания, что стали неудобными,
О том что было. И чего уж нет.

И это место крепко запечатаю.
Не ворошить. Не трогать. Не вскрывать.
И вот стою, а слезы тихо капаят.
Дай, Боже, нам способность забывать.

И дай нам, Бог, не сгинуть позабытыми,
Не стать чужими для родных людей.
Жить в памяти словами и молитвами,
А не заметкой в ленте новостей.

Ветеран

Я самый главный сумасшедший,
В, забытой богом, стороне,
Я ветеран, войну прошедший,
И пыль веков лежит на мне.
По жизни шел, друзей теряя,
Ну и, конечно, находя,
Те, кто ушли, из окон рая,
С укором на меня глядят.
И стыдно им, я стал безвольным,
Сентиментальным стариком,
Друзьям, наверно, очень больно,
Что я с врагами их знаком.
Простите, парни, так сложилось,
Превратность ссученной судьбы,
Я помню, моё сердце билось,
Потом вдруг тьма, потом – гробы.
И нет моей вины, что выжил,
Что я не сдох от страшных ран,
Меня укрыла вражья крыша,
Вдова молодка, гибкий стан.
Она меня с руки кормила,
Отваром из целебных трав,
Как за дитем за мной ходила,
Закон войны презрев, поправ.
Войной израненное сердце,
Истосковалось по любви,
И так хотелось мне согреться,
Внутри шептало – шанс лови.
А ночью мне явился призрак,
Мой старый друг, военный брат,
Сказал чуть слышно, с укоризной,
– Узнал меня? Иль мне не рад?
Ты жив лишь потому, что телом,
Тебя тогда своим прикрыл.
Нас смерть двоих забрать хотела.
Ты помнишь это? Иль забыл?
– Я помню всё, – ему ответил,
И каждый день и каждый миг,
Но ты закончил путь на свете,
А я почти уже старик,
А что я видел? Пушки? Ружья?
Окопы с трупами друзей?
И так уж было это нужно?
Нам выяснять, кто был смелей?
Одна страна – одна граница,

И солнце нам одно на всех,
И разве стоит насмерть биться,
За чей-то призрачный успех?
Ведь выгодна война такая,
Внутри страны, между собой,
Лишь тем, кто денежки считает,
Которые текут рекой.
А нам с тобой, обычным смертным,
Война ни к черту не нужна,
Мы дети леса, гор и ветра,
Одна на всех у нас страна.
Мой друг сидел и горько плакал,
– А ведь я мог иметь детей,
И жить в стране под общим флагом,
Жить для страны, её идей.
Мы стали мясом в этой бойне,
В гражданской пламенной войне,
Мы ошибались и мне больно,
За тех кто там погиб – вдвойне.
И я прошу – ты дашь мне слово,
Что будешь жить за всех за нас,
И в строй солдат вернешься снова,
Лишь для страны в опасный час.
И я тогда ему поклялся,
Что буду жить смертям назло.
С тех пор мой друг не появлялся,
А мне неслыханно везло.
Я выживал, когда не верил,
Я жил и жил за сроком срок.
Я стал седым и крылья белые,
Мне помогали средь дорог.
Я самый главный сумасшедший,
В забытой богом стороне,
Я ветеран сквозь ад прошедший,
И пепел стал дорогой мне.

Привет с небес

Привет с небес, друзья-однополчане.
Я очень рад, что вы еще в строю.
Пусть может, не совсем и в добром здравии,
Я мысленно здесь, с вами, постою.
Как и тогда, в свой первый День Победы,
Глядел с небес – взметнулся красный флаг!
Конец войне, конец военным бедам.
Разбит, разгромлен, уничтожен враг.
А мне всего полгода не хватило,
Я где-то под Варшавой воевал.
Тяжелый бой и братская могила.
Меня комбат на небесах встречал.
И вместе с ним потом уже следили,
Как там, внизу, вы по Европе шли.
Приятно, что про нас вы не забыли,
И памятник гранитный возвели.
Ваш строй всё пополнялся ополчением,
А наш – кому чуть-чуть не повезло.
И каждый раз вздыхали с облегчением,
Когда вы выживали всем назло.
И с облаков до хрипоты болели,
Когда вы окружали Кенигсберг.
Стоял февраль и к вам с небес летели,
Привет от нас снежинки- оберег.
А помните тогда, под Будапештом,
Примерно в середине февраля,
Как молния с небес – наш луч надежды,
Что жизни наши отданы не зря.
Апрель – освобожденье Братиславы.
Победы всё отчетливее шаг.
А мы мечтали только лишь о главном —
Увидеть полыхающий Рейхстаг.
Вам Венский вальс звучал парадным маршем.
Последние преграды снесены.
И назовет «Берлин» верховный маршал,
«Сложнейшей операцией войны».
А нам на небе становилось тесно,
Вас становилось меньше день за днём,
Когда совсем уж не хватало места,
Мы вниз спускались проливным дождем.
И вот он – долгожданный День Победы!
Улыбки со слезами на глазах.
Кто к нам с мечом – тот обречен заведомо.
В борьбе за Родину неведом русским страх.
И если вновь заполыхает где-то,

Мелькнет лицо врага сквозь клубы пыли,
Я спрячу пока лестницу на небо,
Чтоб вы там, на земле, еще пожили.

Звездный холод

Меня уже ничем не удивить,
Ничем не испугать и не расстроить.
Нет-нет! Я продолжаю так же жить,
Вот только чувства перестали что-то стоить.
Я много лет лила потоки слез,
Я плакала, оплакивая гордость,
И избавлялась от ненужных грез,
Впуская в душу отношений пошлость.
Теперь мне стало тошно от себя,
Катиться вниз, чтоб вымолить признание.
И жить воспоминанья теребя,
В промозглом одиночестве, в изгнании.
Да да! Меня изгнали из любви,
Закрыли дверь, сказав – «Не беспокоить!»
– Ты не нужна, – руками развели.
Финал банальный для таких историй.
Сначала просто оглушила боль,
Ослепла и оглохла в одночасье.
Раздавлена, убита словно моль.
И крылышки поломаны на части.
И серая бесцветная пыльца,
Туманом ледяным накрыла сердце.
Белей, чем полотно, стал цвет лица,
В висках стучали кованые берцы.
Скулила, выла, билась, словно зверь,
Каталась по полу, от судорог ломаясь,
Взывала к небесам – как жить теперь?!
Луна в ответ мне злобно ухмылялась,
И день и ночь и тысячу ночей,
Жила в бреду холодном, безнадежном.
О, как же тяжело вдруг стать ничьей.
Вернуть назад, что было – невозможно.
И вот однажды, вот в такую ночь.
Холодная звезда с небес спустилась.
И предложила мне чуть-чуть помочь,
А я, от боли корчась, согласилась.
Звезда сказала: – Ты горишь огнем,
А я устала и хочу согреться.
Ты всё забудешь в холоде моем,
Но я возьму в подарок твоё сердце.
И яркий свет вдруг полыхнул в ночи.
Звезда сияла даже ярче солнца.
Меня же звездный холод излечил.
В груди спокойно. Ничего не бьется.
И память не тревожит больше сон,

Не беспокоит чувствами пустыми,
И стерлось в памяти, что был когда-то ОН.
Как-будто мы всегда были чужими.

Распахнула душу дура

Распахнула душу. Дура!
Что ж ты делаешь с собой?
Пятна крови темно-бурой,
На груди своей замой.

Сердце вынули, забрали?
Ты позволила сама.
И теперь сидишь в печали,
Средь весны сквозит зима.

Ну и что ты будешь делать?
Слезы в ведра собирать?
Этой жизни ты хотела?
Нравится себя ломать?

Или может сбросишь иго
Неслучившейся любви?
И истошно, громко, дико,
Гордость в помощь позови.

Спину прямо и улыбку
Натяни на всё лицо.
Людям свойственны ошибки,
Люди же, в конце-концов.

И уверенной походкой
Продолжаем жизни путь.
И твоя любовь-находка
Встретится когда-нибудь.

Моя работа

Вы знаете, какое это чувство —
Когда над полусонною землей,
Плывет и разливается так вкусно
Дыханье хлеба, созданный тобой.

Десятки лет знакомая дорога,
Идешь с утра, а аромат плывет,
И понимаешь, как же это много —
Дать хлеба городу и накормить народ.

Насквозь твоя одежда пропиталась
Теплом и добротой родной печи.
И слов любых ничтожно будет мало,
Чтоб рассказать про труд людей в ночи.

Их руки пахнут солодом, ванилью,
И в их глазах играет добрый блеск,
Спускается мучной на плечи пылью,
Их труд – благословение небес.

И здесь людей случайных не бывает.
Лишь тот, кто сердцем предан и душой,
Работу хлебопеков выбирают,
На жизнь на всю, на долгий путь земной.

Особый мир особых обязательств,
Что б ни случилось – должен быть всегда,
Хлеб на столе – вот главный показатель,
Самоотверженно тяжелого труда.

И пусть плывут сквозь ароматы хлеба,
Тепло их душ и доброта сердец.
Традиции и старые секреты,
И опыт поколений – их венец.

Я буду жить

Я буду жить – с любовью или без!
С тобой или без тебя – уже не важно.
Ты в мою душу в обуви залез,
По сердцу в сапогах. Уже не страшно.

Я буду жить, назло себе самой,
Потоки слез промыли мне сознание,
И наслаждаться собственной зимой,
Среди жары. Среди пустоты. В изгнании.

Я буду жить, по прежнему любя,
Горя огнем добра, тепла и веры.
И наплевать, что рядом нет тебя.
И что оттенок жизни только серый.

Я буду жить. И я сильнее, чем ты.
Лежа на дне глубокого ущелья,
Я в свои крылья заплету цветы,
И к солнцу поднимусь прося прощенья.

У всех родных и дорогих людей,
Которых я слезами изводила,
И у врагов. И близких мне друзей-
Они всегда мне предавали силы.

Я буду жить и перекрашу жизнь,
Из серого в мерцающе-жемчужный.
А ты теперь ко всем чертям катись.
Мне подаянья твоего не нужно.

Будем жить

Острым ножиком со стены собираю остатки сердца,
А в груди моей дыры видны – так навывлет прошла любовь.
И уже никогда-никогда не воскреснуть мне и не согреться.
И уже никогда-никогда не разыграет горячая кровь.

Горьким словом, тяжелой плитой запечатаю пьяный разум,
Чтоб не думать, что ты с другой и себя ни за что не винить.
Чтоб холодной ночной порой наступило прозренья не сразу.
И, укутавшись темнотой, продолжаю тебя любить.

И для слов твоих «я люблю» каждый раз подбираю синонимы.
И для боли тупой своей каждый раз подбираю слова.
В хороводе холодных дней безнадежно увязли, тонем мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.